

И. НИКОЛАЕВ

ИНЖЕНЕРЫ ДУШ

В течение многовекового существования мировой литературы — в самые различные эпохи и в самых различных странах — делались бесчисленные попытки определить понятие писатель. Любое из этих определений, было ли оно заключено в философском труде, научной работе или критической статье, и было ли оно выражено в форме стихотворения или в виде отдельного афоризма, представляет собой документ, скрепленный печатью эпохи и подписью индивидуума, его сформулировавшего. Ни одно из них не может быть названо исчерпывающим, а тем более действительным на вечные времена, ибо как сам объект определения, так и угол зрения наблюдателя претерпевают в процессе смены культур или даже только стилей постоянные изменения.

Более того: ни средневековая Италия, ни абсолютистская Франция, ни феодальная Германия не создали определения понятия писатель, действительного хотя бы на всю данную страну и эпоху. Поэтому, даже если принять на веру как факт построение социализма в советской России, оно не дает нам права на вывод, будто бы там найдена формулировка этого понятия, действительная для всей эпохи социализма или хотя бы для социалистической России.

Во всех странах и во все времена тесно сотрудничали, независимо сосуществовали или ожесточенно боролись друг с другом лица и группировки, имевшие сходные, различные или диаметрально противоположные представления о целях и задачах писателя. Не только их сотрудничество, но и их соперничество способствовало дальнейшему развитию и расцвету литературы — до тех пор, пока одна из таких группировок не овладевала орудием официальной цензуры. Такое положение создалось в Советском Союзе в 30-е гг. XX века. Не говоря о страшных репрессиях, вплоть до физического уничтожения, которым подвергались писатели при Сталине, уже того факта, что одно литературное течение — назовем его условно соцреализмом — держало в руках все печатные органы и издательства и давало право голоса только своим единомышленникам, было достаточно для создания однообразия и оскудения в области литературы. Это был не только искусственно созданный, но даже просто мнимый кризис, т.к. продукция советских издательств не отражала фактического состояния русской литературы той эпохи.

После смерти Сталина литературная оттепель приоткрыла завесу: ряд оригинальных и ценных литературных произведений стал доступен читателю, но был мгновенно подвергнут резкой партийной критике. С тех пор в течение более чем целого десятилетия советская цензура сдерживает напор новых литературных сил, ищущих выхода. При этом, хотя партийная критика и претендует на обладание новейшим эталоном писательского мастерства, в действительности она пользуется очень устаревшими мерками.

Окостенелая формула «инженеры человеческих душ» отражает понятие писатель как в кривом зеркале: власть автора над характером героя и воспитательное значение литературного произведения для читателя в ней значи-

тельно преувеличены, в то время как роль природного дарования преуменьшена сравнением с профессией, достижимой путем старательного изучения уже при наличии способностей. Между тем лучшие из современных писателей в России ставят во главу угла именно талант и подлинное творчество. Кульминацию творческого процесса они, по собственному их свидетельству, видят в том моменте, когда герой «оживает и начинает вести за собой автора», а произведения, в которых этот момент отсутствует, не считают творческой удачей. На страницах журнала «Вопросы Литературы» мы находим многочисленные подтверждения этой точки зрения, а также и свидетельства о некотором скептицизме писателей в вопросах воспитательного значения литературы.

Тем не менее взгляд на профессию писателя как на нечто, чему при извместном старании всегда можно научиться, довольно широко распространен в Советском Союзе и даже отнюдь не только среди неквалифицированной публики. Достаточно вспомнить, как безапелляционно диктуют некоторые партийные критики различным авторам одинаковые методы обращения с героем. Возможно, что некоторой профанации понятия писатель способствует популярность в Советском Союзе литературных институтов, в которых обучают не науке литературоведения и не профессии журналиста, а искусству писателя. Само по себе наличие подобного рода учебных заведений никак не может считаться отрицательным явлением: обучение технике стихосложения или построения драматургического произведения может принести большую пользу начинающему таланту. Плохо то, что каждый получивший диплом подобного института уже считается писателем. Это помогает (и часто за счет истинных талантов) выдвиганию ремесленников, научившихся писать километрами прозу и стихи на актуальные темы в соответствии с социальным заказом данного момента. Еще вреднее для общего дела литературы возрастающая склонность не считать писателями тех одаренных от природы и постоянно усердно работающих поэтов и прозаиков, которые не имеют в кармане диплома об окончании того или иного литературного института.

Яркий пример такого невежественного суждения был продемонстрирован на процессе Бродского, которого не пожелали признать поэтом, т.к. он не мог показать, у кого он учился писать стихи. Но если про вершителей этого судебного процесса смело можно сказать, что все они (включая судью) отличались редкостью низким культурным уровнем, а в области литературы были абсолютными профанами (очевидно, даже как читатели), то о Союзе Советских Писателей в полном его составе мы не можем предположить ничего подобного. Почему же в мае сего года не был приглашен на IV Всесоюзный съезд СП один из лучших современных русских писателей Александр Солженицын? Уж не потому ли, что свое специальное литературное образование он завершал не в Литературном институте им. Горького, а в одном из многочисленных и обширных концентрационных лагерей Советского Союза? Или он не подходит под эталон «инженера человеческих душ», потому что не тратит времени на попытки конструировать макеты новых душ в поучение молодому поколению, а правдиво изображает в своих произ-

ведениях настоящих людей, которых он встречал в своей жизни: старую крестьянку, чудаковатого сторожа, подлинного интеллигента? ... Или ему поставили в вину его собственное индивидуальное понимание цели и задач писателя?

Поистине и грустно и смешно, что через почти полтора десятка лет после смерти диктатора установленные им грубо-практические взгляды на литературу как «средство» и «орудие» не отмерли окончательно и встречаются еще даже и в литературных кругах. Непреложный закон искусства — победа, после проверки временем, крупных талантов над бездушными ремесленниками, победа, для отдельных писателей пусть даже посмертная, но для литературы в целом — жизнеутверждающая. Реабилита-

ция целого ряда репрессированных писателей за последние годы, начавшаяся с запоздалых венков жертвам тридцатых годов и завершившаяся восстановлением доброго имени Пастернака, ясно доказывает, что даже в мрачных условиях Советского Союза нельзя до конца пренебречь этим законом. Значительно правильной и действенной запоздалого посмертного фимиама с горьким дымком боли и стыда был бы возврат к естественному отбору произведений искусства в результате свободного состязания различных литературных течений. В рядах профессиональной писательской организации все эти направления должны быть представлены, иначе потомки будут расценивать эту организацию не как стимул, а как тормоз развития литературы.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Основы марксизма

1. Происхождение и философские основы марксизма.

Современная русская молодежь за рубежом только и знает о марксизме то, что он породил ужасы коммунистической революции, антирелигиозную пропаганду и гонения на Церковь. Плохо знает марксизм и молодежь внутри России, ибо невозможно хорошо знать то, что принудительно навязано сверху властью. Прежде у нас плохо знали православие, ибо оно также навязывалось сверху, как теперь марксистская «политграмота». Православие у нас начали узнавать лишь с тех пор, как оно стало гонимо. Но необходимо серьезно вникнуть в марксизм, понять, почему он вдохновляет массы и почему порождает вражду к религии и церкви. Никогда не следует представлять противника в слишком элементарном и глупом виде. Это ослабляет в борьбе. Марксизм есть во всяком случае очень серьезное явление в исторических судьбах человечества. И русский коммунизм имеет глубокие причины. Марксисты часто бывают плоски и глупы. Но сам Карл Маркс был гениальный и острый мыслитель классического типа. Классический марксизм очень устарел и уже совершенно не соответствует ни современной социальной действительности, ни современному уровню научных и философских знаний. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса был написан в 1847-м году. Взгляды Маркса сложились исключительно на основании опыта первоначального развития капитализма в Англии. Со времени смерти Маркса экономическое развитие Европы перешло в стадии, которые Марксом совсем не были предвидены. Социал-демократия принуждена была делать целый ряд поправок к Марксу. Русский же коммунизм возник в совершенно иной, неведомой Марксу исторической обстановке, в новом мире Востока, и он изменил марксизм до неузнаваемости, оставаясь верным лишь основному антирелигиозному духу марксизма.

Марксизм претендует быть цельным мирозерцанием, отвечающим на все основные вопросы жизни, дающим смысл жизни. Он есть и политика, и мораль, и наука, и философия. Он есть религия, новая религия, идущая на смену христианской. Настоящие, цельные марксисты по типу своему верующие догматики, они совсем не скептики и не критики, они исповедуют систему догматов. Догматизм, отрицающий свободу духа, есть самый тяжелый, крайний, фанатический. Христианство не думает, что можно достигнуть Царства Божьего без участия свободы человека, без согласия его на это, без внутреннего его духовного перерождения. Марксизм же думает, что грядущий совершенный социальный строй, «Царство Божье на земле», может быть достигнут не только без Бога, но и без свободы человека, путем насильственного применения к жизни марксистских догматов. Догматика марксизма имеет два источника — жизненный: социальную действительность Европы середины XIX века, и теоретический: германскую идеалистическую философию. Маркс вышел

из Фихте, из Гегеля, он был так называемым левым гегелианцем. Маркс и его главный соратник Энгельс любили говорить, что они хотят осуществить в жизни практически то, что немецкие идеалисты утверждали в мысли теоретически. Фихте учил о том, что субъект, «я» создает мир. Но это была лишь отвлеченная теоретическая мысль. Маркс и Энгельс требуют, чтобы субъект действительно создал мир, новый мир, покори себе природу. Но субъектом, способным создать новый мир, у них стал пролетариат. Гегель учил о том, что действительное — разумно, и понимал под этим то, что в основе действительности лежит разум, что мышление и есть бытие. Маркс повернул эту мысль так, что действительность должна стать разумной, что нужно овладеть действительностью, пересоздать ее. Гегель учил, что в основе бытия лежит идея, которая развивается по диалектическому закону, *проходя* через тезис, антитезис и синтез. Мировая жизнь и есть не что иное, как обнаружение, разворачивание идеи, мысли. Диалектика есть греческое слово, первоначально означающее искусство диалога и спора. Слово это применимо к логике, к процессу мысли. Гегель понимал под диалектикой закономерный процесс мысли, развивающейся вследствие раскрывшихся в ней противоречий. И если Гегель учил о диалектическом развитии мира, то потому только, что в основании мира для него лежала идея, мысль. Диалектика применима исключительно к мысли, к идее, к духу. Но Маркс «поставил диалектику с головы на ноги». Он признал, что в основе действительности, в основе бытия, лежит не мысль, не идея, а материя, материальный процесс. И он захотел применить диалектику к материи. Таким образом получился диалектический материализм. Маркс и Энгельс учат, что материальная действительность, лишенная разума и мысли, развивается по диалектическому закону, через противоречие. Таким образом то, что применимо лишь к логике, к мысли, к движению идей, они применили к материи и материальным процессам. Диалектический материализм, который представляет собой совершенно нелепое и недопустимое словосочетание, означает открытие мысли, разума, смысла — в мертвой материи, которая мыслится, как случайное и бессмысленное столкновение атомов. Маркс остался верен гегелевской идее разумности, действительности, но понимал это обратно Гегелю, т. е. думал, что в самой материи, лишенной мысли и смысла, лишенной зачатков духа, обнаруживается разум, мысль, смысл.

Диалектическое развитие всегда обнаруживает раскрытие смысла, разума. Но как обнаружить его в мертвой и бессмысленной материи? Маркс хотел опрокинуть идеализм Гегеля и думал, что своим материализмом он достигнет большого научного и философского прогресса. Но он достигал этого лишь тем, что вносил гегелевский идеализм или панлогизм в самые недра материи. Он наивно верил в разумность материи и материального процесса, в развивающийся из материи смысл. Но материализм, пред-

ставляющий себе материю, как столкновение атомов, совершенно не соединим с диалектикой. Из столкновения атомов никогда не может раскрыться смысл, разум. Материя по природе своей пассивна, инертна, не способна к творческому развитию. Активен дух, а не материя. Марксисты же наивно связывают активность с материей, а пассивность с духом. Маркс мало интересовался вопросами обще-философскими и интерес его был исключительно направлен на социальную действительность. И вот в социальной действительности, в основании которой, по его учению, лежал материальный процесс, раскрывается диалектическое развитие, т. е. логика, смысл, закономерно разворачиваются противоречия и примиряются в высшем синтезе. Чисто материальный социальный процесс направлен к высшей цели, к высшим формам общечеловеческого, к социальной справедливости, к торжеству разума в действительности. Такова была вера Маркса, но никаких научных и философских оснований для такого рода учения не могло быть. Материальный процесс, природный или социальный, сам по себе бессмыслен, неразумен и ни к каким высшим формам жизни привести не может. Никаких разумных оснований для такого рода оптимизма привести нельзя. Для того, чтобы утверждать диалектическое развитие, которое ведет к высшим состояниям и раскрывает какой-то разум и смысл, нужно допустить, что в основании действительности лежит разум, духовное начало, начало смысла. В действительности марксизм никогда не смог стать чистым материализмом, который вообще немислим. Он остался проникнутым элементами идеализма, унаследованными от германской философии, и сохраняет их, как контрабанду. Марксистский диалектический материализм есть извращенная форма идеализма. Для него в основе действительности лежит не столкновение атомов материи и не слепой и неразумный материальный процесс, а идея, в которую фактически марксисты верят, и развитие, неотвратимо ведущее к торжеству этой идеи. Философские основы марксизма противоречивы, недодуманы до конца и наивны. Чисто материалистическое истолкование марксизма, которое русский коммунизм признает обязательным, в действительности нелепо и философски безграмотно. В современной науке и философии материализма более не существует. Более прилично и грамотно прагматическое истолкование марксизма.

2. Основная идея марксизма.

В марксизме есть две стороны: объективная и субъективная. И две идеи вдохновляют верующих марксистов. Первая из этих идей лежит в основании марксистской социологии и философии истории. Учение марксизма есть прежде всего материалистическое понимание истории, которое называют то историческим материализмом, то диалектическим материализмом, то экономическим материализмом. Философские основы этого учения недостаточно обоснованы и приняты на веру. Но основная идея исторического материализма проста и должна производить впечатление большой правдоподобности. По учению Маркса, дальше развитому Энгельсом, в основании исторического процесса лежит развитие материальных производительных сил. Жизнь общества есть не что иное, как коллективная борьба человека с природой за жизнь, за удовлетворение своих насущных потребностей. Человек борется со стихийными силами природы для добычи себе пищи, жилища, одежды, всего того безотлагательного, без чего он жить не может. Он организует общественную жизньсообразно способам борьбы. Социальный строй определяется формами производства и обмена. Хозяйственный процесс, экономика, есть результат воздействия человеческого труда на природу для поддержания и развития жизни. Поэтому экономика есть базис социальной жизни. Подлинная и единственная первородная жизнь и есть экономика, хозяйство, производительный труд. Все остальное есть лишь отражение или «надстройка» над этим реальным «базисом». Духовная жизнь человека, идеология есть всегда отражение экономики, форм производства, она не имеет реальности в себе. Для марксизма характерно, что рели-

гиозные верования, философские идеи, нравственное сознание, художественное творчество рассматриваются, как иллюзия, самообман сознания. Религия, философия, мораль, искусство лишь обманно отражают в сознании хозяйство, экономическую жизнь, которая и есть единственная подлинная реальность. Бытие определяет сознание, а не сознание бытие. Но единственное подлинное бытие и жизнь человеческого общества есть экономика, производительный труд, борьба за поддержание жизни. И это экономическое, хозяйственное бытие и определяет всякое сознание, сознание религиозное, философское, нравственное, художественное. Слабость человека в борьбе с природой, недостаточная организованность человеческого труда и распадаемость общества на классы, из которых один класс эксплуатирует другой, порождают иллюзии религиозные и идеологические. Так в религиозных верованиях иллюзорно отражаются отношения господства, существующие в человеческом обществе, рабство человека у природы и человека у человека, класса у класса. То, что мы называем духом и духовной жизнью, есть не что иное, как иллюзия сознания, порожденная слабостью человека, недостаточным развитием производительных сил, социальным угнетением. Для Маркса основным является то убеждение, что сознание людей долгие тысячелетия, почти всю историю находится в состоянии иллюзии и самообмана, оно держалось обманными верованиями и идеями. И он видел свою великую миссию в том, чтобы разоблачить обман, испровергнуть иллюзию. Он хотел разоблачить эту дустую ложь, небытие, сорвать все покровы. Конечно, Маркс никогда не разделял грубой и наивной идеи философии XVIII века, что религия создана сознательным обманом жрецов. Для этого его миросозерцание было слишком историческим и эволюционным, он прошел школу Гегеля. Иллюзия сознания не есть сознательный обман, это необходимая иллюзия, порожденная процессом социального развития. Религиозные и идеологические иллюзии даже нужны были человеческому обществу в его борьбе за жизнь. Но слабость, лежащая в основе всех иллюзий, должна быть побеждена возрастая организованной мощи человека, развитием его производительных сил. Когда человеческое общество до максимума разовьет производительные силы, когда оно настолько совершенно организуется, что в нем будет окончательно преодолено разделение на классы и эксплуатация одного класса другим, тогда отпадут все иллюзии, порожденные слабостью человека, иллюзии религиозных верований и идеологических теорий. Так называемое буржуазно-капиталистическое общество для Маркса было обществом неорганизованным, анархически-хаотическим; общество это основано на игре противоположных человеческих интересов, и силы человека в нем ослаблены этим столкновением противоположных интересов. Будущее социалистическое общество будет окончательно организованным и регулируемым, в нем коллективный разум человечества окончательно овладеет и стихийными силами природы и стихийными силами самого общества. Тогда идеологические «надстройки» падут, и обнаружится подлинная реальность жизни. Общество откровенно станет организованным хозяйством и будет признавать лишь то, что служит целям и интересам этого хозяйства. Отсюда вытекает положительный пафос марксизма, представляющий его объективную сторону. Марксизм вдохновлен и вдохновляет возрастая организованной власти социального коллектива над миром. Марксизму в высшей степени свойственна любовь к мощи, к власти, он империалистичен. Марксизм вдохновлен не состраданием к униженному, бедному пролетариату, а преклонением обоготворением сильного, богатого, властвующего над миром пролетариата. В отличие от русского народнического социализма, который вдохновлялся состраданием к народу и жертвой во имя его освобождения и спасения, марксистский социализм вдохновляется силой, мощью, властью. Сильный и властвующий над миром, организованный пролетариат и есть земной бог, который должен заменить Бога христианского и убить в человеческой душе все старые религиозные верования.

В материалистическом понимании истории есть несомненная доля истины, которую должны признать и противники марксизма. Экономика есть основа человеческого общества, без которого оно существовать не может. Истина экономического материализма выражена еще в Библии. Человек обречен в поте лица своего добывать хлеб свой. Власть экономики над человеком есть следствие греха. После грехопадения райское хозяйство уже невозможно, и человек должен нести бремя труда, как проклятие. Но марксизм смешивает необходимые условия человеческого существования с реальной сущностью, ценностью и смыслом этого существования. Я не могу писать философскую книгу, делать научные открытия, творить художественные произведения, производить нравственные оценки, если я не буду питанием поддерживать свою жизнь, одеждой прикрывать свое тело, иметь хоть какое-нибудь жилище. Потребность в пище более безотлагательна, чем потребность в познании и духовном творчестве. Физиологические процессы моего организма являются необходимыми условиями и моей умственной и духовной жизни. Без этих физиологических процессов, без удовлетворения элементарных нужд моего организма прекратится не только мое философствование и мое духовное творчество, прекратится моя жизнь. Но отсюда никак нельзя сделать выводы, что мое мышление и познание, моя духовная и нравственная жизнь порождены физиологическими процессами организма и являются отражением процессов питания и элементарного поддержания жизни. Безотлагательное условие жизни не есть причина, порождающая всю полноту жизни. Человеческое общество не может существовать без хозяйства, без экономического развития, без удовлетворения своих насущных и безотлагательных потребностей, без того, что можно было бы назвать физиологией общества. Но отсюда никак нельзя сделать заключение, что хозяйство, экономическое развитие, удовлетворение насущных потребностей общества, порождает духовную и умственную жизнь общества, что физиология общества порождает психологию общества. Процессы питания, голод или излишество, могут исказить духовную и умственную жизнь человека, но не могут их породить и определять. Попыты объяснения идеологии, «надстройки» из экономики, из «базиса», которые делают марксисты, представляют смехотворное и жалкое впечатление, они компрометируют даже ту сторону исторического материализма, в которой есть доля истины. Но обычно марксисты не непосредственно выводят «идеологию» из экономики. Экономический производственный процесс создает классовый социальный строй общества. Распадание общества на помещиков и крестьян, на капиталистов и пролетариев вызвано потребностями производственного процесса, служит развитию производительных сил. Каждый социальный класс имеет свою особую психику, определенную его экономическим положением, а эта особая социальная психика уже определяет его идеологию, его религию, философию, нравственное сознание и т. д. Поэтому идеология согласно марксистскому учению, всегда является классовой, — по иному мыслит помещик, землевладелец, крестьянин, буржуа-капиталист, мелкий буржуа-собственник, фабричный рабочий. Но единственное, что таким образом удастся доказать марксистам, это лишь то, что состояние сознания людей и их идеология подвергаются воздействию и искажению со стороны их классового положения, что их мышление извращается их классовыми интересами. Это действительно бывает и играло не малую роль в истории. Так и мышление отдельного человека и его духовная настроенность может искажаться и подавляться голодом или обжорством, нищетой или роскошью. Но никто никогда не мог показать, что открывалась истина в научном и философском познании, что творилась красота, что добро торжествовало в нравственной жизни, что божественный свет благодатно озарял человеческую душу в результате экономических процессов и классовых интересов людей, как порождение экономики и классового строя общества. Утверждение, что дух есть отражение или порождение материи, возможно лишь в форме фигуральной, и оно никакого точного познавательного значения не имеет. Марксистские выражения «базис» и «надстройка» есть лишь

условная фигура, сравнение. Но базис совсем не порождает надстройки, и надстройка не является отражением базиса. Этого мы совсем не видим, когда на фундаменте строится дом. Характер комнат дома и жизнь в нем совсем не определяется базисом, фундаментом, хотя без него дом и невозможен. Наконец, нужно сказать, что сама экономика, хозяйство есть порождение человеческого труда, человеческий же труд предполагает психику человека и качество его определяется духовными и нравственными свойствами людей. Экономика целиком протекает в психической среде и не есть явление материальное, подобно явлениям физического мира. Если духовная жизнь человека зависит от экономики, то и сама экономика зависит от духовной жизни человека. Дисциплина труда целиком зависит от духовных и нравственных качеств людей. Выдающиеся социологи и экономисты (М. Вебер, В. Зомбарт) исследовали более глубоко, чем Маркс, и с большим соответствием с современным состоянием научных и философских знаний, зависимость между экономической и религиозной жизнью. Можно считать научно установленным, что экономика зависит от религиозной жизни и определяется ею, ибо экономики нет без самого человека, как целостного существа, без участия всех его сил в его труде. Так например, доказано, что протестантизм в форме кальвинизма сыграл определяющую роль в развитии капитализма и промышленности. И по сравнению с современными исследованиями в этой области Маркс и Энгельс кажутся страшно отсталыми и старомодными, людьми отошедшего века, представителями середины XIX века.

3. Религия — опиум для народа и орудие эксплуатации.

Карл Маркс был страстным атеистом. Менее всего принадлежал он к людям безразличным к религии. Он пытался дать философское и научное обоснование своему атеизму. Обоснование это в основе своей неоригинально и заимствовано у Л. Фейербаха. Л. Фейербах, автор прославленной в свое время книги «Сущность Христианства», был левым гегелианцем, в лице которого германский идеализм перешел в материализм. Фейербах создал антропологическую теорию религии, согласно которой теология, т.е. учение о Боге, есть не что иное, как антропология, т.е. учение о человеке. Человеку представляется, что его собственная природа, его собственные высшие стремления, есть природа над ним находящаяся, т.е. Бог. Человек выбрасывает во вне, объективирует самого себя, создает Бога по своему образу и подобию. Фейербах говорит: бедный человек имеет богатого Бога. Это значит, что свои богатства человек переносит на Бога и сам их лишается. Эти богатства должны быть возвращены человеку, ему должна быть возвращена его собственная высшая природа. Вера в Бога обирает человека, обедняет его. Религия мешает реальному осуществлению человеческих стремлений и желаний, осуществлению его силы и счастья на земле. Религия переносит все в иллюзорную, призрачную сферу. Не имея возможности реально осуществить свои желания в земной жизни, несчастный человек представляет себе, что они осуществляются на том свете, на небе. Религиозная вера и есть выражение бессилия человека осуществить свои желания. И для того, чтобы человек действительно мог осуществить желание полноты жизни, нужно устранить религиозную веру, как препятствие на его пути. Л. Фейербах был самым замечательным представителем атеизма в европейской философии XIX века. Маркс применил взгляд Фейербаха на религию к социальной жизни. В ранней своей работе «Введение в критику философии права Гегеля» Маркс определил свое отношение к религии. Там и сказана знаменитая фраза, которая красуется сейчас на всех советских заборах, — «религия есть опиум для народа». Маркс начал с того, что признал основной задачей освобождения рабочего класса и человечества — освобождение от религиозной веры. Религия мешает освобождению, могуществу, реальному благу человека, она порабощает его призрачным благом, держит его сознание во власти иллюзий. Религия отража-

ет реальное несчастье людей и дает воображаемое их счастье. Для достижения реального счастья нужно освободиться от воображаемого счастья, от религиозного самовообмана. Религия всегда есть выражение бессилия человека, помеха на путях приобретения силы. Поэтому она есть опиум для народа. Религия есть также оправдание и орудие эксплуатации человека человеком, класса классом. Религия отражает и оправдывает отношения господства в человеческом обществе, представляя себе Бога, как главного господина. Она всегда мешала классам угнетенным, поработанным, бедным, трудящимся восстать против своих поработителей и угнетателей, обещая им награду на небесах. Религия всегда оправдывала существующее зло, несправедливость, реальное несчастье людей, внушая им веру в возможность лишь небесного счастья. Религиозная вера мешала возрастанию активности человека, его мощи, организации социальной жизни. Религия противоположна тому коллективному, социальному разуму человечества, который должен активно организовать и регулировать всю человеческую жизнь. Социальные интересы классов господствующих, эксплуатирующих поддерживают религиозные верования, согласно которым человек угнетенный, бедный, несчастный, должен терпеливо выносить свою жизнь.

Маркс верил, что в основании истории лежит эксплуатация, угнетение одного класса другим. На почве этой эксплуатации образовались и государство, и право, и социальная организация общества, и моральное сознание, и религиозные верования, и все идеологии. «Сознание» определяется «бытием», «бытие» же и было эксплуатацией класса классом. У угнетателей этот факт отразился в сознании по-одному, у угнетенных — по-другому. Некоторые марксисты, например Каутский, пытались объяснить самое происхождение христианства, как результат настроений угнетенных, низших классов того времени, которые не могли найти реальных выходов из своего бедственного положения и искали небесных утешений. Первохристианство было идеологией бедных. Таким образом выходит, что христианство первоначально было «орудием эксплуатации», созданным эксплуатируемыми, а не эксплуатирующими. Лишь позже оно превращается в сознательное орудие эксплуатирующих. Но что бы ни писали марксисты о религии, а часто они пишут вещи совершенно смехотворные, особенно русские марксисты, всегда они предполагают, что основной и наиреальнейший факт человеческой жизни есть факт эксплуатации, угнетения. Это есть основной миф марксизма, все от него исходит и к нему сводится. Отсюда злоба и ненависть, которыми полны Маркс и марксисты. Они совершенно не способны мыслить объективно, беспристрастно, мысль у них всегда подчинена воле и чувству. Вера Маркса в эксплуатацию, как основной и определяющий факт общественной жизни, может быть сравнена с христианской верой в первородный грех. Эксплуатация человека человеком есть первородный грех всей мировой истории, он заражает всю историю, все мышление, всю веру, всю идеологию. Но разница с христианством та, что оно предлагает человеку видеть грех прежде всего в самом себе, марксист же видит грех всегда в других. Особенно наполненно злобой все, что писал Ленин о религии. По сравнению с грубостью Ленина, Маркс был очень культурным, тонким, философски углубленным мыслителем и писателем.

Постоянные декламации марксистов об эксплуатации, ненависть и злоба против злодеев-эксплуататоров, которые сеют его фанатические адепты, нисколько не оправдываются самим теоретическим мирозерцанием марксизма. По Марксу, в основе общественной жизни лежит производственный процесс, развитие материальных производительных сил. Состояние производительных сил, т. е. степень власти человека над стихийными силами природы, создает известный социальный строй и взаимоотношения классов. Классовое неравенство является необходимым результатом производственного процесса. Так в известную историческую эпоху для развития производительных сил, для поддержания жизни общества, необходимо существование рабства или крепостного права, оно даже благобно, в другую эпоху необходимо существо-

вание капиталиста-буржуя и фабричного пролетариата, продающего свой труд. Таким образом, разные формы эксплуатации класса классом для Маркса оказываются оправданными и прогрессивными. Осуждает он лишь такие формы эксплуатации, которые уже не соответствуют требованию развития производительных сил. Капиталистической буржуазии, которая и есть по преимуществу класс эксплуататоров, Маркс приписывает даже великую прогрессивную миссию в истории, она больше всего способствовала развитию материальных сил, развитию промышленности, без которого не было бы пролетариата и невозможна была бы победа социализма. Маркс, как теоретик, осуждал капиталистический строй не потому, что он несправедлив и безнравственен, а потому, что с известного момента он мешает дальнейшему развитию производительных сил общества, т. е. становится экономически реакционным. Каутский в «Эрфуртской программе», которая стала катехизисом немецкой социал-демократии, говорит, что, если бы социалисты убедились, что социалистический строй мешает развитию материальных производительных сил, то они отказались бы от социализма и стали за строй, который развивает производительные силы. Мысль очень марксистская, но абсолютно осуждающая русский коммунизм.

Нужно признать, что опыт практического применения марксизма в России привел к антирелигиозной пропаганде и гонениям на церковь с внутренней неизбежностью. Антирелигиозный и антихристианский дух был заложен в учении Маркса и составлял его внутренний пафос, его движущий мотив. Марксизм целиком исходит из капитализма и заражен духом капитализма, он стоит с ним на одной почве. В действительности, марксистский социализм идет на смену христианства. Марксистский социализм сам хочет стать религией, имеет религиозные претензии и ненавидит ту религию, которую хочет заменить. Он есть восстание земного, человеческого царства, против Царства Божьего, Царства Небесного. Но мы, христиане, должны бесстрашно признать, что христианство, искаженное людьми в истории и приспособленное к их интересам, действительно дает повод к построению теории, что «религия есть орудие эксплуатации». Христианство, или вернее христиане, действительно часто защищали богатых и сильных мира сего, действительно оправдывали существующее социальное зло и несправедливость. На том основании, что первородный грех непобедим, церковные люди не хотели улучшения социальной жизни людей. В заражении рабочего класса атеизмом, в антирелигиозной пропаганде виноваты не только коммунисты, но и старые христиане, и старые грехи, и лицемерие христианского мира. Христиане мало думали об осуществлении Христовой Правды в жизни. Осуществление социальной правды взяли на себя силы враждебные христианству. И это великий укор для христиан, предостережение и угроза. Истина христианства не может быть классовой, но может быть и бывало классовым искажением истины христианства. И в том, что социалистическое рабочее движение соединилось с атеизмом и материализмом, не мало виновато классовое искажение истины христианства, обращение его в орудие земных, государственных и социальных интересов и целей.

4. Противоречия марксизма.

В основании материалистического понимания истории лежит истребляющее его противоречие. Всякую идеологию Маркс считает отражением экономических отношений, всякую теорию связывает он со служением интересам того или иного класса. Поэтому, все существовавшие до сих пор идеологии и теории относительны и не могут претендовать на истину. Исторический материализм разоблачает призрачный и исключительно служебный характер всех идеологий, всех до сих пор существовавших философских учений и религиозных верований. Подлинная реальность, подлинная жизнь была в экономике, в хозяйстве, идеи же были лишь рефлексом экономики. Но тогда, естественно, возникает вопрос: ну, а идеология само-

го Маркса и марксистская теория, что это такое? Не есть ли исторический материализм самого Маркса тоже лишь отражение экономических отношений Европы середины XIX века, не имеет ли он лишь очень относительное и служебное значение, как выражение интересов рабочего класса в его борьбе с капиталистической эксплуатацией? Может ли марксистская теория претендовать на общеобязательность, на истинность? Вопрос этот, с философской точки зрения, для марксизма является роковым. Если к самой идеологии марксизма применить основные положения материалистического понимания истории, то идеология эта делается столь же иллюзорной, рефлекторной и ошибочной, как и все остальные идеологии в истории человеческой мысли. Теория исторического материализма сама себя подкапывает. Для теории этой никакой общеобязательной истины не существует, все, что представляется людям истиной, есть лишь отражение их нужд и интересов и прежде всего нужд и интересов экономических. И то, что выгодно пролетариату, нисколько не более есть истина, чем то, что выгодно буржуазии; такого рода истины друг друга стоят. Как смотрел на это сам Маркс? Согласно принятой философией терминологии марксистская теория есть релятивизм, т.е. точка зрения, отрицающая абсолютную истину и признающая все истины относительными и изменчивыми. Но совершенно несомненно, что сам Маркс и ученики его претендуют на неизмеримо большее, чем на идеологию, отражающую временную и переходящую экономическую действительность XIX века. Маркс верил, что ему удалось найти ключ к пониманию тайны исторического процесса. До явления его, Маркса, исторический процесс был погружен во тьму и отражался в сознании людей в форме разнообразных иллюзий. Но вот, в середине XIX века появился человек, которому впервые удалось бросить ослепительный свет на тайну исторического процесса, разгадать эту тайну. Маркс и марксисты по психологическому своему типу претендуют быть открывателями какой-то абсолютной истины, ведомой лишь им. Учение марксизма, материалистическое понимание истории не есть только отражение экономических отношений и выражение экономических интересов, но есть сама истина, есть подлинное разоблачение тайны истории. Маркс никогда не согласился бы уравнивать своей собственной теории со всеми другими теориями перед лицом открывавшейся истины о том, что всякая идеология есть лишь «надстройка» над экономической. Его собственная теория, его собственная идеология не есть уже «надстройка», но есть сама истина. До Маркса все было во тьме иллюзий и самообмана сознания. Но после него наступает новая эра, — эра открывшейся истины. И истина самого Маркса есть уже не только классовая, не только пролетарская истина, но истина общечеловеческая, истина обязательная для всех, хотя открыта она была пролетарским сознанием.

Как бы ни ответить на поставленный нами вопрос, теория исторического материализма разрушается от внутренних противоречий. Если теория исторического материализма, как и всякая теория, лишь отражение экономических отношений, лишь «надстройка», если она относительна и служит временным интересам, то она не может претендовать на какую-то особенную истинность и обязательность и уравнивается со всеми остальными теориями. Она делает открытие, которое ее же делает сомнительной. Если же теория исторического материализма есть уже открывшаяся истина, имеющая общеобязательное и безотносительное значение, если ей действительно ведаема тайна истории и судеб человечества, то значит существует абсолютная истина, то значит не всякая идеология есть «надстройка» над экономикой, то истина исторического материализма себя же опровергает. Марксисты над этим не задумываются оттого, что они верующие догматики и всякую философскую критику считают «ересь», которую нужно не опровергать, а насильственно пресекать. В марксизме есть научный элемент, но в целом он есть религиозное верование, он претендует на мировую миссию освободителя и спасителя человечества. Материализм есть лишь оболочка марксизма, которую он

считает выгодной в борьбе с христианством и религией, но внутренне он есть новая религия. С точки зрения научной марксизм может быть признан отражением состояния капиталистического общества Европы XIX века, известной стадии капитализма и борьбы с ним рабочего класса и притом в западноевропейских условиях, не более. Маркс распространил свои обобщения, выработанные в результате наблюдений над ограниченной во времени и пространстве формой капиталистической промышленности, на всю всемирную историю, на все времена и народы. Он довольно верно отразил «экономизм» своего века, ослабление духовности, обострение классовой борьбы, не подчиненной уже никаким духовным и нравственным началам, и он признал этот «экономизм» основой всей человеческой жизни и цинически обрадовался этому открытию. Марксизм был патологией, а не физиологией человеческого общества, он отражал болезни общества и много верного о них сказал, но нормальные, здоровые функции общественного организма были для него закрыты. К прежним обществам и культурам совсем не применимо то, что Маркс утверждал о капиталистическом обществе XIX века, в них совсем не преобладал «экономизм».

Другое противоречие марксизма связано со смешением научной, объективной и моральной, субъективной точек зрения. Маркс называл свой социализм «научным социализмом» в отличие от «социализма утопического». Он не хочет применять моральных оценок к социальной жизни и решительно отрицает различие между добром и злом, претендующее на безусловное значение. Так называемый этический, моральный социализм, исходящий из идеи справедливости и социальной правды, Маркс презирал и считал буржуазным. Социализм самого Маркса будет результатом необходимого социального процесса, необходимого развития материальных производительных сил, его породит экономическая производственная необходимость. Социализм хорош для Маркса потому, что он развивает производительные силы, увеличивает мощь человека. Социализм есть мощь, сила, а не нравственная правда и справедливость. Нравственное сознание, нравственное чувство не играют никакой роли в возникновении и торжестве социализма. Он явится в результате социальной классовой борьбы, не имеющей никакого нравственного смысла. Социализм хорош для Маркса совсем не потому, что он есть добро, нравственно должное, а исключительно потому, что он есть последующая, грядущая стадия экономического процесса. Хорошо то, что необходимо, что имеет большую силу. Маркс поклонялся необходимости, и сам он последовательный аморалист в теории, равнодушный к различию между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, правдой и неправдой. Добро, правда, справедливость и есть то, что несет с собой необходимость, за чем стоит сила. Теория марксизма не оставляет никакого места для нравственной оценки и нравственного негодования, для самого различия между справедливым и несправедливым. И вместе с тем Маркс и марксисты полны нравственного негодования против социальной несправедливости и страстно обличают злодеев эксплуататоров, «буржуев». И особенно склонны к этому Ленин и русские марксисты, которые совершенно не способны ни о чем говорить в объективном научном тоне. На практике марксизм оказывается крайним социальным морализмом. Даже когда марксисты пишут исторические книги о прошлом, они заняты нравственными обличениями и негодуют против эксплуатации, против социального гнета и несправедливости, они видят правду и добро лишь у трудящегося класса. То, что они сами признают экономически необходимым и социально полезным, вызывает в них нравственный протест, негодование, обличение, ненависть и злобу. Но на каком основании, по какому праву? Повсюду видит марксизм в теории эксплуатацию класса классом и отражение этой эксплуатации в сознании, в идеях. Тут мы встречаемся с крайне некритическим смешением научной и моральной точек зрения в марксизме.

Эксплуатация есть моральная категория, есть морально предосудительное, дурное отношение человека к чело-

веку. Эксплуатация совсем не есть категория экономическая, между тем как Маркс совершенно смешивает категории моральные и экономические. Для него эксплуатация есть экономическое явление и, как всякое экономическое явление, она есть результат необходимого экономического процесса. Непонятно, почему с марксистской точки зрения эксплуатация должна вызывать нравственное негодование? Помещики эксплуатируют крестьян, буржуазия эксплуатирует рабочих в силу экономической необходимости, это оказывается требованием производства. Почему это плохо, почему против эксплуатации негодовать? Понятно, что христиане могут негодовать против эксплуатации, как против нравственно дурного отношения человека к человеку, но почему негодуют марксисты, принципиальные аморалисты, отрицающие различие между добром и злом? Рабочий может восставать против эксплуатации с точки зрения своих экономических интересов. Но откуда является нравственная оценка и нравственное негодование?

Марксизм, и особенно последовательный коммунистический марксизм исходит из морального догмата о равенстве и все оценивает с точки зрения этого догмата. С философской точки зрения марксизм оказывается самым наивным смещением происхождения явления и оценки явления, необходимости явления и справедливости явления. Поэтому марксизм всегда утверждает, что он стоит

за необходимость, а в действительности делает оценку. Марксизм делает вид, что социализм будет результатом экономической необходимости, в действительности же социализм для него есть добро, справедливость, победа над эксплуатацией. Марксизм делает вид, что буржуазно-капиталистический строй был результатом экономической необходимости и потому экономически оправдан, в действительности же он его считает злом, несправедливостью, воплощением греха эксплуатации. У Маркса было свое нравственное учение. Этика Маркса основана на том, что величайшее добро осуществится через величайшее зло, что свет рождается от сгущения тьмы. Зло капитализма должно возрастать, положение рабочих должно ухудшаться и рабочие должны озлобиться, тогда зло уничтожится, капитализм лопнет и явится добро социализма. Социалистический свет явится от сгущения капиталистической тьмы. Из злых инстинктов рабочих, из озлобления, ненависти, мести, насилия, должен родиться совершенный, справедливый, добрый, социальный строй. Чем злее будут рабочие, чем беспощаднее борьба, тем совершеннее будет грядущий социальный строй. Марксизм движется утопической верой, что путем необходимого социального процесса и путем нарастания зла в капиталистическом обществе может быть преодолен грех и зло эксплуатации. Но зачатков добра, правды, духовной просветленности марксизм не видит нигде. Добро всегда достигается злыми путями.

В. ПИРОЖКОВА

Несколько мыслей о „Мыслях врасплох“ Абрама Терца - Снявского

Верить надо не в силу традиций, не из страха смерти, не на всякий случай, не потому, что кто-то велит или что-то пугает, не из гуманистических принципов, не для того, чтобы спастись, и не ради оригинальности. Верить надо по той простой причине, что Бог есть.)*

Замечание английского писателя Эвелина Вога об атеисте: «У него нехватает чувства реальности». Бог — самая глубокая реальность, Бог — реальность мира. В Него надо верить не из утилитарных соображений, а просто потому, что Он есть. За истиной надо следовать ради истины, а не потому, что она полезна. Как это просто и... как трудно (самое простое всегда самое трудное, потому делается так много усилий все усложнить). И когда истина уже совсем близка, в душу вонзается как жало вопрос: «Да, полно, есть ли Он?»

«Господи, дай о Себе знать. Подтверди, что Ты меня слышишь. Не чуда прошу — хоть какой-нибудь едва заметный сигнал. Ну, пусть, например, из куста вылетит жук. Вот сейчас вылетит. Жук — ведь вполне естественно. Никто не заподозрит. А мне достаточно, я уж догадуюсь, что Ты меня слышишь и даешь об этом понять. Скажи только: да или нет? Прав я или неправ? И если прав, пусть паровоз из-за леса прогудит четыре раза. Это так нетрудно прогудеть четыре раза. И я уже буду знать».

Но жук не летит, и паровоз не гудит. «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дается ему, кроме знамения Ионы пророка» (Матф. 12, 38).

Вера, поистине, дело не слабых, а сильных душою. А как же со слабыми? Как же их-то не пожалеть? Вечное искушение Великого Инквизитора: «Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, бесчисленные как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны послужить материалом для вели-

ких и сильных? Нет, нам дороги и слабые». Жалость к слабым, желание сделать их счастливыми — счастливыми, не спрашивая их согласия, осчастливить их по плану, родившемуся в голове «пожалевших» и непонятному самим этим миллионам слабых, — искушение добрых, а не злых. Искушение авторов всех социальных утопий и хрустальных дворцов, движимых жалостью к слабым и... великим высокомерием. Все они хотят исправить «несовершенный» план Творца, бросившего человека в жуткую пустыню свободного решения и невыносимой ответственности, — в которой даже жук не летит.

Но начав с жалости, кончают, как Белинский «любовью Марата»: «Я начинаю любить человечество любовью Марата: я готов истребить огнем и мечом большую его часть, чтобы малейшую часть его сделать счастливой». Да разве может еще кто-нибудь быть на таких условиях счастливым?

Высокомерной жалости к слабому человеку, желавшей так много добра и принесшей так много зла — ведь шли не к брату, нет, к низшему, к слабому, зачисляя самих себя в сильных и знающих (не «вошь», а «человек», как у Раскольникова), Терц противопоставляет суровое: «Довольно твердить о человеке. Пора подумать о Боге».

«Здесь все для Бога и ничего для человека» — писал Константин Леонтьев, по словам Бердяева проповедник «безблагодатного христианства». Только вот отчего в своей личной жизни Леонтьев распространял вокруг себя тепло и любовь, заботился из своих скудных средств о старых слугах, опасался задеть и оскорбить своих многочисленных противников? Безблагодатное? Заботясь так много о человечестве, не забываем ли мы слишком часто о человеке? «Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц», — говорит почтенный человек старцу Зосиме.

«Любая личность противна, если ее много. Личность — всегда капитал, хотя бы он состоял из добродетелей, ума

*) Курсивом набраны цитаты из книги Терца «Мысли врасплох».

и талантов. *„Раздай добро свое... Христос возлюбил тех, кто был никем. Да и Он Сам разве не был Никто? Как личность Он скорее невыразителен (и потому невыразим) и уж во всяком случае несколько не оригинален. Личность Иисуса Христа — звучит кощунственно. Это Личность в обратном, минусовом значении. Христа не назывешь „гением“. Гений переполнен собой, гений — капиталист. Вампиризм гения, почитание гениев, начавшееся с Ренессанса, и бескорыстие святости, всегда сияющей не своим, но Твоим, Господи, светом.“*

Извечно русский мотив. Противопоставление Достоевским русской личности, отдающей себя обществу, растворяющейся целиком, не требующей для себя никаких прав, — личности западной, полной самости, индивидуализма, ищущей прав для себя. Многое верно, но вполне ли справедливо противопоставление? Не создал ли образ «безличного» святого образ аскетического революционера? Черты последнего можно встретить повсюду, но почему только в России он выступил так отчетливо? Не потому ли, что мы у святого зачеркнули личность и отдали ее революционеру? Бескорыстие не мешает личности, а святые не были бесплотными абстракциями. Каждый имел свой характер свою личность, в каждом просиял Его свет, но в каждом по-своему, в преломлении его собственной личности. Не слишком ли часто мы об этом забываем?

«Нынешнее христианство грешит благовоспитанностью. Оно только и думает, как бы не испачкаться, не показаться неudelикатным. Оно боится грязи, грубости, прямоты, предпочитая всему на свете аккуратную середину. До чего довели слюнтяи — священный елей превратили в сладкую патоку (от одного словечка елейный подкатывает тошнота). Сложили губки бантиком и ждут, чтоб Господь поставил им галочку за примерное поведение. Как кисейная барышня краснеют при каждом намеке на недоzволенное удовольствие: „Ах, что вы, я не такая, вы не подумайте, я невинная“. Христову Церковь спутали с институтом благородных девиц. В итоге все живое и яркое перешло в руки порока. Добродетели осталось вздыхать и собирать слезки в карман. Они забыли пламенную ругань Библии.“

А христианство обязано быть смелым и называть вещи их именами. От ангелочков в веночках пора отказаться, чтобы ангелы стали сильнее и очевиднее аэропланов. Аэропланы — не ради подделки под стиль современности, а для превосходства над нею.

На этом пути можно впасть в ересь. Но ересь сейчас не так опасна, как иссыхание на корню. Господи! Лучше я ошибусь в Твоем имени, чем забуду Тебя. Лучше я согрешу перед Тобой, чем забуду Тебя. Лучше я душу свою погублю, чем Ты исчезнешь из вида.

Это не призыв грешить. Это отчаянное, порой запутанное усилие удержать реальность. Это как раз отказ от «безличного» святого и утверждение священного гнева, если угодно священной ярости — или это сочетание невозможное? Но христианство — не «розовая вода», а ангелы и впрямь сильнее и очевиднее аэропланов. Когда они появляются людям, последние всегда пугаются, и первые слова, обращенные к людям: «Не бойтесь». Ангелы — не барокские младенчики с розовыми надутыми щечками и коротенькими крыльычками за спиной. Это мы их такими сделали, чтобы... легче было от них отвернуться. Они же молчат — пока — и в этой терпеливой сдержанности не слабость, а страшная сила. И не создали ли мы об Иисусе Христе порой слишком сентиментального представления как об Иисусе Сладчайшем. Любовь не заключается в перекармливании конфетами — или решился бы кто-нибудь из нас взять в руки бич...

«Рядом с другими религиями христианство выполняет роль ударного батальона, роль штрафной роты, кинутый на самый опасный и горячий участок фронта. Где-то мо-

жет быть, имеется артиллерия, авиация, но в рукопашную свалку, в пекло брошен именно этот батальон смертников, сжегший за собой мосты и ведущий сражение вплотную с блиндажами противника. Отсюда и решительность натиска, готовность идти до конца, и трудность подвига, и уязвимость, нетерпимость учения (сравнительно хотя бы с индусами), то есть собранность и устремленность всех сил в одном ударе. Посмотрите на его, христианства, героев. Мудрецов здесь не так много, а все больше подвижники, снискавшие славу стойкостью и смертью. Жития святых — перечень пыток и казней, вынесенных воинством, следовавшим примеру казненного Бога. Это солдаты, показывающие миру свои рубцы и раны, как знаки доблести. А из кого набрано войско? — да изо всех наций, из любого сброда, даже из преступников, поставивших на себе крест. Каждый может быть зачислен. Каждый, самый последний, неученый, грешный — лишь бы был готов броситься в огонь. И в схватке — каждый в единоборстве — каждый. Религия величайшей надежды, родившейся из отчаяния, религия целомудрия, утвердившегося на самом остром сознании своей греховности, религия воскресения плоти среди смрада и тления. Нигде, как в христианстве, нет такого близкого прикосновения к смерти. Страх смерти в нем не изжит, а развит до силы, способной пробить брешь в гробнице и выскочить на другую сторону. Не созерцание вечности, а ее стяжание в битве, в бою с одним оружием — готовностью умереть».

Не забыли ли христиане в свободных странах, что христианство «не созерцание вечности, а ее стяжание в битве, в бою с одним оружием — готовностью умереть»? Не впали ли мы в бессильное благодушие, ленивую расслабленность? Надо, чтобы оттуда, где бой не ослабевает ни на минуту, нам напомнили забытые слова: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». (Матф. 11, 11), сказали нам, что христианство — битва, а оружие его — готовность умереть. Готовы ли мы умереть? Не слишком ли мы комфортабельно устроились в жизни? Не позабыли ли мы, что жизнь — высушенный орех, позолоченный сверху, если смерть не взята в нее как часть — не как нечто неизбежное в конце, а как диалектическая противоположность каждой минуты жизни, ей неразрывно присущая. Пропустим ли мы мимо ушей это напоминание оттуда? Столь важное для всех и особенно для многих современных «прогрессивных» западных богословов.

Или, может быть, кого-нибудь шокирует, что в воинстве Христове, по мнению Терца, есть «грешники». Но уже две тысячи лет тому назад фарисеи были шокированы тем, что Христос сажался за один стол с грешниками. Так что, — это не ново.

«Все понимается настолько спиритуально, что уже неизвестно: существует ли Господь в самом деле, или Он только символ наших гуманных наклонностей. Дикарь, представляющий Бога в виде кровожадного зверя, меньше кощунствует чем философ-идеалист, подменяющий Его гносеологической аллегорией. Христос воскрес буквально, во плоти и предстал как очевидность, вопреки фарисейским абстракциям. Он пил и ел с ними за одним столом и апеллировал с помощью чуда, то есть вещественного доказательства».

Это уж совсем по адресу многих западных богословов, столь нелепо пытающихся иногда «подогнать» реальность Бога под последнюю (так скоро преходящую!) научную гипотезу. Вряд ли они услышат этот голос из «земного ада», ведь они привыкли обедать только за чистым столом. Концлагерь? О, от этой неприятной действительности они постараются поскорее бежать в свои гносеологические аллегии. К счастью не все, а другие? Может быть, услышат, может быть хоть в секунду отражения вечности, и мы все услышим вечный зов «из глубины»:

«Не исключена такая возможность, что на земле ад. Тогда все понятно. А если нет? Господи, тогда как?»

Вздых из глубины души смертельно больной св. Терезы из Лизье: «А что если неба вообще нет?» — последнее сомнение, без которого нет чистой веры, а есть только са-

моуверенная успокоенность. Земля — ад, а небо — черное сукно. Все закрыто.

После смерти св. Тереза бросала на землю розы. Те, для кого земля всегда зеленела, а небо голубело неомра-

ченным хрусталем, бросать с этого голубого неба на эту зеленую землю роз не будут. Бросают розы только те, кто прошли через землю — ад и черное небо. Ведь те, другие, с зеленой землей и голубым небом, не вспомнят, что земле так нужны розы с неба.

ГЕОРГИЙ КАТКОВ

Россия в 1917 году

Недавно вышла на английском языке книга известного русского историка, преподающего в Оксфордском университете, профессора Георгия Михайловича Каткова, «Россия в 1917 году».*)

В № 5-6 (9-10) нашего журнала за 1966 г. мы поместили русский перевод начала 5-ой главы этой книги.

В настоящем номере, в несколько сокращенном виде, мы предлагаем вниманию наших читателей продолжение этой главы.

ГЛАВА V. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИИ

4. Ленин, Гельфанд и Кескюла

В сентябре 1915 г. один эстонский эмигрант в Швейцарии, некий Александр Кескюла, установил контакт с немцем послом в Берне Ромбергом, предоставив ему точную информацию об отношении русских эмигрантов к войне. Во время революции 1905 г., Кескюла, будучи одним из руководящих членов большевизской партии Эстонии, проявил значительные организационные таланты. В эмиграции он постепенно отошел от марксизма в сторону романтической концепции эстонского национализма. К русским революционерам, как таковым, Кескюла испытывал глубокое презрение, исключение он делал только для Ленина, организаторский талант и последовательность которого он считал выдающимися и которого он очень уважал. Кескюла встречался с Лениным только один раз, зато поддерживал с ним постоянный контакт через эстонского большевика по имени Зифельдт.¹⁾

Ромберг доложил, согласно информации Кескюлы, германскому министерству иностранных дел о так называемой ленинской программе сепаратного мира с Германией еще 30 сентября 1915 г.²⁾ Взгляды Ленина были приняты, повидимому, всерьез, и если бы он показал хоть ма-

лейшее желание вступить в непосредственный контакт с немцами, он нашел бы отклик. Однако, судя по всему, никакого непосредственного контакта между ним и немецкими властями тогда не состоялось, хотя этого утверждать с абсолютной уверенностью нельзя. Ленин был чрезвычайно искусным конспиратором, а немецкие власти действовали с максимальной осторожностью. Согласно имеющимся сведениям, через Зифельдта и Кескюлу Лениным были получены в то время небольшие суммы из секретного источника. В действительности позднее выяснилось, что эти суммы для Ленина получил Кескюла от Ромберга.³⁾

В 1916 г. германское посольство в Швейцарии стало интересоваться журналистической деятельностью Ленина. Ленин в то время издавал нерегулярно газету «Социал-демократ» и журнал «Сборник социал-демократа». Главными сотрудниками были сам Ленин и Зиновьев. Два номера журнала вышли во время войны, третий же задержался из-за недостатка средств.

В архивах немецкого посольства в Берне сохранилась переписка, из которой видно, что после некоторых колебаний немцы решили предоставить средства для издания. Несмотря на это, очередной номер журнала не вышел. Началась февральская революция.

Информация Кескюлы о Ленине немецкому правительству в сентябре 1915 г. не была первым сообщением, полученным немцами. На фракцию большевиков в русской социал-демократической партии германскому министерству иностранных дел указал в марте 1915 г. в своем меморандуме⁴⁾ доктор Александр Гельфанд, он же Парвус, сыгравший значительную роль в подрывной деятельности немцев в России. Он — живое доказательство, что авантюристы XX века могли играть такую же решающую роль в политике великих держав во время Первой мировой войны, как и в свое время в интригах итальянских государств эпохи Возрождения.

Гельфанд, русский еврей, родившийся в Березине (Белоруссия) и получивший образование в Одессе, рано присоединился к революционному, марксистскому движению. Он скоро понял, какие громадные личные преимущества дает глубокое знание экономических и социальных проблем. В конце прошлого столетия он эмигрировал в Германию и завязал знакомства в немецких социалистических кругах. Во время голода в 1898-99 гг. Гельфанд возвращается в Россию, после чего публикует исключительно хорошо документированный труд о причинах голода⁵⁾. В период, предшествовавший революции 1905 г., он считался одним из ведущих марксистских теоретиков. Он играл активную роль в Петербургском совете 1905 г. и был близким сотрудником Троцкого, в газете которого публиковал свои статьи (иногда под псевдонимом — Молотов). В 1906 г. Гельфанд был арестован и сослан в Сибирь, откуда он бежал приблизительно одновременно с Троцким и опять устроился в Германии, где продолжал

*) George Katkov. Russia 1917. The February Revolution. Longmans, Green & Co, London 1967, XXVIII + 490 стр.

¹⁾ В обширной литературе о Ленине во время войны, нигде не упоминается о существовании человека по имени Зифельдт.

Существование Зифельдта было открыто впервые в интервью доктора М. Футрелла с престарелым Кескюлой. Это привело к дальнейшим исследованиям, благодаря которым была обнаружена статья Зифельдта, опубликованная в советской провинциальной газете «Бакинский Рабочий» в 1924 году. Статья эта, очевидно, подлинная, свидетельствует о знакомстве Зифельдта с Лениным и о жизни русской эмиграции в Швейцарии. В ней также приводится свидетельство очевидца посещения А. Гельфандом (Парвусом) Швейцарии весной 1915 г.

Пребывание Зифельдта в Швейцарии в то время подтверждается и архивами Охраны, находящимися в библиотеке Хувера. См. также М. Futrell, „Northern underground“, London, 1963, особенно стр. 173.

²⁾ Z. A. B. Zeman, Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, London, 1958.

³⁾ Futrell. p. 146.

⁴⁾ „Preparations for a Political Mass Strike in Russia“, Zeman, стр. 140-152.

⁵⁾ C. Lehmann und Parvus, Das hungernde Russland, Stuttgart, 1900.

работать в качестве издателя, а также литературного и театрального агента, продолжая писать и для германской социал-демократической прессы. Хотя он не вмешивался во внутривнутрипартийную борьбу русских социал-демократов, но считалось, что он стоит на стороне меньшевиков. Он не ладил с Лениным, с теорией которого о революционной элите он не был согласен, так как считал, что массы сами должны выдвигать руководство из своей среды.

Так как Гельфанда всегда интересовало социальное движение в интернациональном масштабе, он обратил внимание на неустойчивую ситуацию на Балканах. В 1910 г. он перенес свою деятельность в Константинополь, где, ведя крупное предприятие по экспорту и импорту, продолжал социал-демократическую пропаганду. Он гордился заключенной с Россией сделкой по доставке зерна, которая, как он утверждал, спасла режим младотурков от катастрофы. Есть также сведения, что он одновременно занимался контрабандой устаревшего немецкого оружия, на которое на Балканах был большой спрос. Этими сделками он составил себе крупное состояние.

В 1914 г. Гельфанд старался втянуть Турцию в союз с Центральными державами и в войну на их стороне.⁶⁾

Одновременно он оказывал услуги немцам, сотрудничая с доктором Циммером и организуя «украинскую пятую колесню» на турецкой территории.

Вскоре после начала войны Гельфанд отправился в Германию через Софию, Бухарест и Вену. В Болгарии он вел откровенную пронемецкую пропаганду среди болгарских социал-демократов, а в Румынии установил тесный контакт с Х. Раковским. В Вене он восстановил дружбу с Рязановым, который, будучи русским подданным, проживал там во время войны, пользуясь покровительством испанского посольства.

Из Вены Гельфанд поехал в Берлин, где в начале марта 1915 г., изложил германскому министерству иностранных дел свои планы по организации революции в России и попросил оказать ему материальную поддержку для этой цели.⁷⁾

В Берлине Гельфанд встретился с дипломатом, доктором Куртом Рицлером. Последний был откомандирован в Генеральный штаб, где работал в тесном сотрудничестве с полковником политического отдела фон Гюльзенем. Согласно данным Вангенгейма (германского посла в Константинополе), рекомендовавшего Гельфанда министерству иностранных дел, Гельфанд считал, что русские демократы смогут добиться своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на более мелкие государства. Поэтому интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров и сепаратистов.⁸⁾

Для этой цели Гельфанд предложил следующий план: организовывать экономические забастовки в различных частях России, особенно в Петербурге и черноморских портах, превращая их постепенно в забастовки с политическими требованиями; конечной целью должна была быть всеобщая забастовка, которая повлекла бы за собой падение царского режима.⁹⁾

⁶⁾ Записные книжки Гельфанда содержат несколько поэтических опытов в стиле военной пропаганды, призывающих объявить «газават» России, историческому врагу Ислама.

⁷⁾ Zeman, стр. 140-152; W. S. Scharlau, Parvus — Helphand in the First World, Oxford, 1963.

⁸⁾ Zeman, стр. 1.

⁹⁾ Там же, стр. 140-152. Особенно интересно замечание Гельфанда об агитации в черноморских портах. Он настаивал на том, что агитация там должна была начаться сразу же, одновременно с подготовкой всеобщей забастовки. Через Болгарию и Румынию предполагалось установить связь с Одессой, Кишиневым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку. Во время революции 1905 г. рабочие этих областей выдвигали требования мест-

Этот план вызвал большой интерес. Германское правительство через министерство иностранных дел немедленно ассигновало значительные суммы для «революционной пропаганды в России».¹⁰⁾

Вернувшись через Балканы в Константинополь, Гельфанд ликвидировал свое торговое предприятие и развернул подпольную деятельность. Возвращаясь в начале лета 1915 г. в Германию, он остановился на несколько дней в Швейцарии, чтобы лично вступить в контакт с руководством русских эмигрантов-революционеров. Гельфанд надеялся, что русские социал-демократы — пораженцы, главным теоретиком которых, как он сообщил немцам, был Ленин, станут с ним сотрудничать. Но так как отношения с Лениным не отличались взаимным доверием и их взгляды на роль профессиональных революционеров расходились как в теории, так и на практике, из предполагаемого сотрудничества ничего не вышло. Гельфанд также понял, что пораженчество Ленина принципиально отличалось от его плана разрушения России. Гельфанду падение царского режима и расчленение Российской Империи были необходимы для обеспечения гегемонии Германии, где, как он предполагал, скоро должна была восторжествовать идея социализма, может быть, даже без революции. Для целей Гельфанда, Германия и ее армия были более надежными союзниками, чем русские большевики. Несмотря на это, Ленин в конце осени 1915 г. согласился встретиться с Гельфандом. Результат этой встречи и беседы с Лениным остались тогда в тайне. Гельфанд покинул Швейцарию, не достигнув соглашения ни с кем из русских эмигрантов. Немцам он сообщил, что он не договорился с Лениным, и что он решил проводить свой план революции в России самостоятельно.

Встреча Гельфанда с Лениным не осталась секретом для русской эмиграции в Швейцарии и в других странах. Григорий Алексинский, в то время сотрудник Ленина, впоследствии ему изменивший, утверждал, что он знал о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом для организации революции в России и о немецкой финансовой поддержке планов Ленина. Это утверждение легло в 1917 г. в основу обвинения большевиков в том, что они были германскими агентами. Ленин же утверждал, что никакого соглашения не было, и что он порвал отношения с Гельфандом сразу после короткой встречи с ним в Берне. Гельфанд в своей брошюре¹¹⁾, изданной в 1918 г. подтверждает это.

Гельфанд писал: «Читатель знает, что большевики были тоже за военное поражение России, но у меня с ними были расхождения во мнениях. Я учитывал такие значительные факторы как экономический, политический и военный, а также соотношение сил и возможные результаты; у большевиков же был один единственный ответ на все: р е в о л ю ц и я.

Я встретил Ленина летом 1915 г. в Швейцарии. Я изложил ему свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и одновременно предупредил его, что пока продолжается война, революции в Германии не

ного и профессионального характера. Эти требования сначала были гарантированы, а впоследствии отвергнуты. Несмотря на то, что эти требования были забыты во время забастовки матросов и портовых рабочих, несколько лет спустя они снова были выдвинуты. Поэтому Гельфанд предложил при агитации руководствоваться этими пунктами, постепенно придавая движению политическое направление.

В то время по причине безработицы, невозможно было добиться всеобщей забастовки в Черноморском бассейне. Поэтому предполагалось устроить местные забастовки в Николаеве, в Ростове и частично в Одессе. Такие забастовки и связанные с ними беспорядки привели бы к внутреннему раздорам в России еще до начала предполагаемой войны.

¹⁰⁾ Zeman, стр. 3.

¹¹⁾ «Правда глаза колет», Стокгольм, 1918.

будет, что революция в это время возможна только в России, и она была бы результатом немецких побед».

Зифельдт в своих воспоминаниях тоже описывает эту встречу, конечно, подчеркивая враждебный прием, который Ленин и Крупская оказали Гельфанду и подтверждают отрицательные результаты разговора. С другой стороны, открытого разрыва, очевидно, не произошло. Ленин воздерживался от нападок на Гельфанда в прессе до тех пор, пока не был на это спровоцирован появлением в печати первого номера журнала Гельфанда «Die Glocke» в сентябре 1915 г. Гельфанд вел себя так же. Когда началась Февральская революция, он был одним из главных сторонников, если не инициатором, плана отправки Ленина тем или иным путем в Россию. До самого 1918 г. Гельфанд надеялся помириться с Лениным и присоединиться к победившим большевикам.

Отношение Ленина к Гельфанду оставалось всегда холодным и отрицательным. Он отсоветовал молодому Бухарину сотрудничать в Исследовательском институте по изучению экономических последствий мировой войны, который был основан Гельфандом в Копенгагене. С другой стороны, Ленин знал о тесном сотрудничестве между одним из его верных приверженцев — Фюрстенбергом-Ганецким и Гельфандом и никогда ничем этому не препятствовал.¹²⁾

Впоследствии Ленин утверждал, что Фюрстенберг был только служащим в торговом предприятии Гельфанда в Дании. Это было преуменьшением. Фюрстенберг стал активным участником развернутой Гельфандом в Дании¹³⁾, с ведома и при поддержке германских властей, нелегальной торговли крупного масштаба. Эта деятельность была задумана Гельфандом для того, чтобы финансировать революцию в России. Краткое изложение этих планов он подал германскому правительству в своем меморандуме в марте 1915 г. Фюрстенберг проводил часть самых рискованных деловых операций и был выслан из Дании в январе 1917 г. за нарушение торговых законов военного времени.

Фюрстенберг, скрывавший свои контакты с Гельфандом, играл в Дании роль его подставного лица.¹⁴⁾

Ленин не мог не знать об этой стороне деятельности Фюрстенберга, что равнозначно молчаливому одобрению. Больше того, Ленин имел больше доверия к Фюрстенбергу, чем к гораздо более добросовестному работнику — Шляпникову. В 1917 г., до своего возвращения в Россию, Ленин предлагал, чтобы «Куба» (кличка Фюрстенберга в революционных кругах), «положительный и умный парень», поехал в Петроград для выправления уклонов большевицких вождей.¹⁵⁾

В одном отношении утверждение о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом вероятно необосновано: мы подразумеваем финансовую поддержку, которую Ленин, якобы, получал от Гельфанда. Несмотря на мелкие суммы, передававшиеся Ленину, через Кескюлу и Зифельдта, бедность Ленина за время его пребывания в Швейцарии не подлежит сомнению.

5. Гельфанд в Копенгагене

Несмотря на неудачу переговоров Гельфанда с Лениным и другими эмигрантами, проживавшими в Швейцарии, он не был обескуражен.

Летом 1915 г. Гельфанд поехал в Копенгаген. Здесь в течение следующих двух лет он основал ряд разнообраз-

нейших предприятий. Во-первых, он создал исследовательский «Институт по изучению экономических последствий мировой войны». Институт собирал статистические информации по социальным и экономическим вопросам в воюющих и нейтральных странах, как будто бы для того, чтобы разработать план послевоенной всемирной экономической организации. В действительности это была удобная ширма для того, чтобы взять на службу некоторых русских революционеров, не имевших во время войны постоянной работы. Они были рады предоставить свои знания и личные контакты в распоряжение такого щедрого работодателя, как Гельфанд.

Во-вторых, Гельфанд основал в Германии политический еженедельник «Die Glocke» («Колокол»), в котором он проводил свои идеи о поддержке социалистами немецких военных целей.

В-третьих, он начал интенсивную торговую деятельность, которой он руководил при посредстве ряда торговых обществ. Этим он сильно увеличил свое, и без того уже значительное состояние.

Гельфанд не оставил почти никаких следов своей деятельности в Дании, но эту деятельность можно легко установить путем косвенных доказательств.¹⁾

1. Общая картина такова: сам Гельфанд выступал только как директор исследовательского института и как главный редактор журнала «Die Glocke».²⁾

2. Его различные коммерческие предприятия велись подставными лицами. Их начальниками являлись друг Ленина Фюрстенберг-Ганецкий и братья Георг и Генрих Скларц, которые сами работали для политического отдела германского генерального штаба. Такая многосторонняя деятельность являлась хорошим способом камуфлирования и финансирования настоящих целей пребывания Гельфанда в Копенгагене, т.е. развития подрывной деятельности и подготовки революции в России.

Гельфанду было нетрудно добиться поддержки германского посла в Копенгагене, князя Брокдорфа-Ранцау. Блестящий отзыв князя Брокдорфа-Ранцау о Гельфанде, переданный министерству иностранных дел, был подтвержден особым докладом старого друга Гельфанда по Константинополю, доктора Циммера. По поручению министерства иностранных дел, доктор Циммер прибыл инспектировать деятельность Гельфанда в Копенгагене. Циммер сообщил, что у Гельфанда было восемь опорных пунктов в Копенгагене и десять резидентов в России. Ни один из последних не был идентифицирован. Гельфанд не был обязан сообщать их имена. Достоверными свидетельствами доказаны отношения Гельфанда с Христианом Раковским в Бухаресте. О том, кто были «наши люди в Петрограде», или где бы то ни было в России, нет никаких данных. С самого начала связи Гельфанда с

¹⁾ Это было сделано мастерски в вышеупомянутой книге М. Футрелля.

²⁾ Он вскоре передал редакторство одному из оставшихся ему верными немецких социал-демократов, а именно — Генишу (Haenisch). Гениш сотрудничал с рядом немецких социалистов или, употребляя термин Ленина, «социал-патриотов». Под их руководством газета приняла более провоенное направление, чем при Гельфанде, и на страницах этого своеобразного органа встречаются утверждения, что в данный момент Гинденбург является истинным борцом за социализм. После немецкой революции Гельфанд высказывал сожаление о низком политическом уровне своей газеты и оправдывался тем, что у него не было времени контролировать ее редакторский состав. В действительности же патриотические статьи в «Die Glocke» были нужны для того, чтобы доказать германским властям, что они ничем не рискуют, поддерживая деятельность интернационального революционера русско-еврейского происхождения. См. W. B. Scharlau und Z. A. B. Zeman, *Freibeuter der Revolution*, Köln, 1964, стр. 347 а также оксфордскую докторскую диссертацию Scharlau (см. сноску № 7).

¹²⁾ Смотри статью о Фюрстенберге-Ганецком (Вопросы Истории КПСС, 3, 1964), где подтверждается, что в 1916 г. Фюрстенберг работал в Стокгольме для Ленина, однако нет никаких упоминаний о его более ранней деятельности в Копенгагене.

¹³⁾ Futrell, стр. 152-196 и 85.

¹⁴⁾ Futrell, гл. 7.

¹⁵⁾ Ленин, Сочинения, III издание, том XX, стр. 55.

германским правительством отличались известным своеобразием. Гельфанд не только предложил разработанный им план разрушения России, но и собственные связи и организацию для осуществления этой цели. При этом он мог сослаться на то, что он уже в свое время организовал тайные каналы связи через Болгарию, Румынию и Украину. Далее он предложил свой коммерческий опыт и талант для снабжения Германии сырьем, столь необходимым для войны. В 1916 г. Гельфанд заключил в Дании огромную сделку, благодаря которой английский уголь был вытеснен с датского рынка и заменен немецким углем, за который Германия получила весьма нужную ей валюту.

Гельфанд был человеком с практически неограниченными материальными средствами, и лично не нуждался в субсидиях. Его положение было таково, что он мог без труда получить у немцев гораздо более крупные суммы, чем кто бы то ни было другой, суммы, которые, как он утверждал, были необходимы для реализации его планов.

Хотя германский министр иностранных дел фон Ягов относился к планам Гельфанда несколько скептически и Гельферих, глава экономического военного отдела, высмеивал некоторые финансовые предложения Гельфанда,³⁾ последний получал крупные денежные средства от министерства иностранных дел в течение 1915 г. Кроме одного миллиона марок, которые он получил в марте, до своего возвращения на Балканы, главным образом в целях установления контактов в Бухаресте, он получил также 1 миллион рублей в декабре, и еще одно ассигнование в 5 миллионов марок в июле. Эти 5 миллионов министр Ягов запросил для «революционной пропаганды в России». Инициатива без сомнения исходила от Гельфанда и его копенгагенских соратников.⁴⁾

Министерство иностранных дел Германии не было единственным государственным учреждением, с которым Гельфанд находился в связи. Одним из таких учреждений был политический отдел генерального штаба, работавший также над подготовкой революции в России. Политическим отделом руководил полковник фон Гюльзен и его связным с министерством иностранных дел был Курт Рицлер, который встречался с Гельфандом в Берлине в марте 1915 г.⁵⁾

Доктор Циммер, а также и братья Скларц, которые работали для Гельфанда, тоже были связаны с политическим отделом. Министерство иностранных дел информировалось политическим отделом только в общих чертах. Германские посольства в скандинавских странах, как правило, находились вне контроля политического отдела.

Обосновавшись в Копенгагене и, будучи уверенным в немецкой поддержке, Гельфанд продолжал осуществлять свой план, изложенный в мартовском меморандуме. Он не обращал внимания ни на скептицизм Ягова, ни на ярые нападки Ленина после выхода в свет первого номера журнала «Die Glocke».

В декабре 1915 г. Гельфанд объяснил Брокдорфу-Ранцау, что нельзя больше терять времени: положение промышленности в России таково, что ее экономические трудности можно легко использовать политически и, что внутреннее развитие, после отсрочки созыва Думы 3-го сентября 1915 г.,⁶⁾ благоприятствует восстанию. В основном Гельфанд не вводил немцев в заблуждение. Внутреннее политическое положение России значительно ухудшилось и борьба между Думой и общественностью, с одной стороны, и царем и правительством с другой стороны — обострилась, в особенности после того, как Николай II принял командование армией в августе 1915 г.

Попытки Гельфанда втянуть германское министерство иностранных дел в подготовку революции в России до-

шли до того, что он прямо предложил министерству выдвигать революцию в январе 1916 г. Роль зачинщика должно было сыграть какое-то доверенное лицо (которое так и осталось незазванным), которое должно было организовать всеобщую забастовку 9-го января, в годовщину «Кровавого воскресенья» 1905 г.

Гельфанд утверждал, что его агенты смогут вывести 100.000 человек на улицу и что забастовка в столице найдет поддержку во всей стране. Его доверенное лицо «начало бы немедленно организацию связи между отдельными революционными центрами».⁷⁾

Ни Гельфанд, ни его доверенное лицо не могли обещать абсолютного успеха. Они утверждали, что революцию можно начать около 9/22 января (ст. и нов. стиль) и что даже, если она и не охватит мгновенно всю Россию, то она безусловно пошатнет положение в стране. Одновременно Гельфанд указывал на то, что, рабочие уже в 1905 году были готовы к революционным действиям, но буржуазные партии в то время не оказывали революционному движению финансовой поддержки. Поэтому Гельфанд считал необходимым, чтобы сумма размером в 1 миллион рублей была немедленно предоставлена его доверенному лицу.⁸⁾ Германское министерство иностранных дел немедленно выделило требуемую сумму,⁹⁾ и Гельфанд доложил Брокдорфу-Ранцау, что деньги переведены в Петроград.¹⁰⁾

Хотя утверждения Гельфанда и были слишком самоуверенны, а ожидания — преждевременны, они не были лишены основания. 9 января было очень удобным днем для начала забастовочного движения, так как этот день стал чем-то вроде неофициального рабочего праздника, в особенности в Петрограде. К тому же есть свидетельство, что к этому дню в Петрограде готовилось что-то вроде всеобщей забастовки.

6. Гельфанд и рабочие беспорядки в России

Павел Будаев, активный большевицкий агитатор, известный член Петроградского профсоюза пекарей, отправил в начале марта 1916 г. приятелю, находившемуся в ссылке в Восточной Сибири, точное описание январских событий. Это, перехваченное полицией, письмо, было впоследствии обнаружено в полицейских архивах.¹⁾ Сообщение Будаева составлено по докладам как вождей революционного движения, так и полиции. Число демонстрантов 9-го января оценивается по разному: 42.000, 45.000, 66.000 и даже 100.000.²⁾

Следующая волна рабочих беспорядков началась в феврале на Путиловском заводе в Петрограде. В мемо-

⁷⁾ Zeman, стр. 9.

⁸⁾ Zeman, стр. 9.

⁹⁾ Zeman, стр. 10.

¹⁰⁾ Zeman, стр. 14. Брокдорф-Ранцау доложил 23 января 1916 г., что «сумма в 1 миллион рублей, предоставленная ему (Гельфанду), была немедленно переправлена в Петроград, где и употреблена уже на цели, для которых она была предназначена».

¹⁾ Красная Летопись, VII (1923), стр. 208. Издавший ее советский архивар Быстрянский удивляется тому, что А. Шляпников в своей, в остальных отношениях столь ценной книге, «Канун 17-го года», Москва, 1923, дает так мало деталей этих событий. По мнению Быстрянского, полицейские архивы, которые еще не были опубликованы в Советском Союзе, содержат большое количество важной информации о революционных действиях за первые месяцы 1916-го года.

²⁾ Смотри М. Балабанов, «От 1905 к 1917 году», (Москва-Ленинград, 1927) стр. 411, который считает, что число 100.000, сообщенное Шляпниковым, вполне может соответствовать истине. 100.000 демонстрантов было числом, которое Гельфанд в своем разговоре с Брокдорфом-Ранцау брался вывести на улицу 9 января.

³⁾ Zeman, стр. 10.

⁴⁾ там же стр. 3 и 10.

⁵⁾ См. выше стр. ? примечание 1.

⁶⁾ Zeman, стр. 8.

рандуме Гельфанда от марта 1915 г. уже упоминается этот завод, который вместе с двумя другими, должен был служить местом начала революционных действий.³⁾ Неблагоприятные производственные отношения на Путиловском заводе существовали уже с первых дней войны.

Рабочие были убеждены, что управление завода находится в руках немцев и евреев, которые уже саботируют военные заказы или готовы к этому. Администрация еще ухудшила отношения тем, что использовала в собственных интересах право освобождения рабочих от военной службы.⁴⁾

До середины 1915 г. казалось, что недовольство рабочих основывается на экономических требованиях и преувеличенном патриотизме. Однако в августе 1915 г. рабочие начали предъявлять политические требования.⁵⁾

3-го февраля 1916 г. механики электро-технической мастерской потребовали повышения платы на 70%. Управление завода отказалось удовлетворить такое требование и обратилось за помощью к коменданту Петроградского военного округа князю Туманову. Туманов объявил по заводу, что он намерен «военнообязать предприятие», т.е. мобилизовать всех военнообязанных и подчинить их военной дисциплине. 16-го февраля управление закрыло завод сначала на три дня, потом, так как беспорядки про-

³⁾ Zeman, стр. 140.

⁴⁾ Доклад тайной полиции описывает положение следующим образом: после того, как немцы объявили России войну, многих иностранных подданных удалили с завода. Несмотря на это отношения между рабочими и немецкой администрацией завода, т.е. директорами немецкого происхождения, продолжали ухудшаться. Рабочие стали относиться особенно критически ко всем административным распоряжениям на заводе, подозревая злые намерения со стороны иностранцев, желающих погрязнуть интересам России. Рабочие знали о нарушениях законов управлением завода и в силу патриотических чувств были готовы в любой момент начать беспорядки. После того как они узнали, что забастовка на Путиловском доке в начале войны была спровоцирована бывшим директором, немцем Орбановским, рабочие предупредили управление, что, если кто-нибудь из директоров, бывших немецкими подданными, включая самого Орбановского, появится на заводе, он будет убит. После того как большая часть влиятельных немцев, подданных Германии, была уволена с завода, продукция возросла, но несколько позднее выполнение военных заказов под тем или иным предлогом снова стало задерживаться. В виду этого управление завода было позволено задержать у себя рабочих, необходимых для продукции. Однако, пользуясь этим разрешением, оно начало освобождать от военной службы не тех рабочих, которые в действительности были полезны на заводе, а тех, которых оно почему-либо предпочитало. Это привело к недостатку квалифицированной рабочей силы и к дальнейшим задержкам выполнения заказов, даже самых срочных. Флеер, М. Г. (подготовил к изданию). Рабочее движение в годы войны; (в серии материалы по истории рабочего движения, изд. А. Лозовский). Москва, «Вопросы труда», 1925, стр. 256.

Агитация против немцев в управлении завода продолжалась, и в августе 1915 г., рабочие попросили об удалении натурализованных лиц немецкого и австрийского происхождения.

⁵⁾ Полицейский доклад (цитируемый Флеером, стр. 259) объясняет перемену настроений агитацией «революционных партий»:

Эта агитация, которая была сильнее всего в столице, привела к образованию секретных ячеек на местных фабриках и заводах, к проведению митингов и незволенных собраний и к отдельным забастовкам...

В конце августа 1915 г. рабочие Путиловского завода предъявили управлению ряд экономических и политических требований. Политические требования были: освобождение пяти большевистских членов Думы, сосланных в Сибирь в феврале 1915 г.; всеобщее избирательное право; свобода печати; расширение сессии государствен-

должались, еще на неделю. Это было ровно за год до вспышки рабочих беспорядков в 1917 г.

Будаев утверждает, что беспорядками на Путиловском заводе руководил Петроградский комитет социал-демократической партии и социал-революционеры. Одним из лозунгов забастовщиков было «дойди войну!» Согласно полицейской информации, «ленинцы» подменили экономические требования забастовщиков политическими.⁶⁾ Особенно интересны выпущенные большевистским Петроградским комитетом листовки, призывавшие к политической забастовке. Распоряжение генерала Туманова в листовках называют бессовестным запугиванием военными властями и призывают к решительному отпору.⁷⁾ Это обращение не имело большого успеха. Полиция заслала своих людей в ряды большевистской организации и, считая, что рабочие беспорядки «угрожают нормальному течению государственных дел» и военным успехам, продолжала арестовывать членов Петроградского комитета. Происшествия на Путиловском заводе явились темой запроса в Думе от 7-го марта 1916 г. Военный министр Поливанов произнес патристическую речь. Дума приняла решение обратиться как к рабочим, так и к промышленникам с призывом добровольно исполнить свой гражданский долг.

После ареста вождей и забастовки на Путиловском заводе, а может быть и по распоряжению организаторов забастовки, волнения в Петрограде временно стихли, но только для того, чтобы возобновиться и усилиться в течение следующих месяцев. В феврале 1917 г. они вылились в настоящее народное восстание.

Здесь следует провести сравнение между забастовками и демонстрациями в январе и феврале 1916 г. и тем, что делалось приблизительно в то же самое время в Николаевских корабельных доках в дельте Днепра, где строились два больших дредноута для Черноморского флота.⁸⁾

В январе 1916 г., одновременно с забастовками и демонстрациями в Петрограде, началась забастовка в корабельных доках в Николаеве. Беспорядки продолжались до тех пор, пока мастерские не были закрыты 23-го февраля.

История забастовки довольно подробно излагается в секретном доносении вице-адмирала Муравьева, найденном в архивах совета министров и процитированном Флеером.⁹⁾

ной Думы. Эти требования поддерживались стачками замедленного темпа работы.

⁶⁾ Флеер, стр. 262. Само собою разумеется, что причины забастовки были исключительно экономического характера и, наверно, такими и остались бы, если бы в это дело не вмешались революционные элементы.

Ведущая «ленинская» группа, которая именовала себя «Петербургский комитет социал-демократической рабочей партии», считала всякое проявление недовольства экономическим положением несвоевременным. Она высказалась против неорганизованных попыток рабочих выражать свое недовольство трудными материальными условиями на отдельных промышленных предприятиях. Эта группа оставалась верна планам и целям своих вождей, которые всегда охотно пользовались крупными социальными движениями в своих целях. Например, эта организация воспользовалась происходящей забастовкой на Путиловском заводе, для осуществления своих политических планов...

Полицейский доклад подчеркивал, что большевики и находящиеся под их влиянием социал-демократы были против закона о милитаризации промышленных предприятий, который должен был быть принят в Думе, и призывали к началу гражданской войны 10-го февраля, в годовщину приговора большевистских депутатов Думы.

⁷⁾ Флеер, стр. 266.

⁸⁾ Это были корабли «Императрица Мария» и «Александр Третий». Первый был сдан во флот осенью 1916 года, но был выведен из строя актом саботажа в севастопольском порту. Характерно, что Гельфанд в своем меморандуме делает ставку на саботаж, который с его точки зрения всегда должен идти рука об руку с революционной пропагандой.

⁹⁾ Флеер, стр. 247.

Чрезмерные требования заработной платы, предъявленные рабочими с самого начала забастовки, и дальнейший ход забастовки, убедили Муравьева в том, что в действительности это была политическая забастовка, организованная под видом экономических требований. Согласно изложению Муравьева, этот фактор не был учтен ни полицией, ни рабочей инспекцией, ни каким-либо другим государственным учреждением. Администрация начала постепенно делать одну уступку за другой, что было грубой ошибкой, приведшей к дальнейшим беспорядкам и закрытию доков.

В доказательство утверждения, что забастовка имела скрытую политическую цель, Муравьев¹⁰⁾ указывает следующее: во-первых, характер требований рабочих был принципиально неприемлем ни для какого промышленного предприятия и, во-вторых, эти требования совпадали с подобными же требованиями, одновременно предъявленными на ряде заводов в Петрограде.¹¹⁾

В своем заключении вице-адмирал Муравьев оставляет вопрос открытым, являлась ли забастовка работой врагов государственного режима, — т.е. левых партий — или в ней надо видеть происки внешних врагов государства, т.е. Германии.

Надо полагать, что русскому правительству уже в течение нескольких месяцев было известно кем направлялась революционная пропаганда среди рабочих доков. Морской министр Григорович доложил председателю кабинета министров в письме от 28-го апреля 1915 г. (всего 8 недель спустя после предъявления Гельфандом меморандума в Берлине), что согласно данным, которыми он располагает, появление прокламаций является результатом действий агентов держав, с которыми Россия находится в состоянии войны и которые не стесняясь пользуются такого рода низкими методами.

Через 4 месяца, 26-го августа 1915 г., на памятном заседании кабинета министров, на котором обсуждался вопрос о несозыве Думы, Григорович заявил, что согласно имеющимся у него сведениям, если заседание Думы будет отложено, невозможно будет избежать беспорядков. Далее он указал, что уровень рабочей морали понижается, что немцы проводят интенсивную пропаганду и щедро дают средства подрывным организациям, и что особенно обострилось положение на Путиловском заводе.¹²⁾

Свидетельство Григоровича не вызвало сенсации в правительстве: по видимому все министры знали, что немцы вызывали беспорядки в промышленности, подготавливая восстание.

Забастовка в Николаеве в феврале 1916 г. была подавлена полицейскими и военными мерами — закрытием морской верфи и мобилизацией забастовщиков.

То обстоятельство, что беспорядки, начавшиеся в Петрограде и Николаеве в 1916 г. не смогли развиться в революцию, явилось тяжелым ударом для Гельфанда. В своем докладе от 23-го января Брокдорф-Ранцау упоминает, что Гельфанд в разговоре с ним объяснил, что вызвать революцию в этот момент было бы неблагоприятно по следующим причинам: а) возросшее сопротивление буржуазной оппозиции против немедленной революции; б) призыв некоторых рабочих вождей на военную службу, в) особые меры, принятые правительством для улучшения питания в Петрограде и Николаеве; г) опасения революционеров, что они потеряют руководство над мас-

сами, что движение перейдет в анархию и что тогда правительству легко подавит восстание.¹³⁾

В действительности забастовочное движение, возникшее в начале 1916 г. продолжалось отдельными вспышками, в особенности, в июне, июле и октябре. В феврале же 1917 г. забастовки достигли высшей точки. Советские историки мало говорят о развитии забастовочного движения в эти месяцы. Полицейские архивы были опубликованы лишь частично. Важно отметить, что документы германского министерства иностранных дел за период от февраля 1916 по февраль 1917 г. не содержат указаний на какие бы то ни было политические действия, принятые Гельфандом, или на какие либо деньги, переданные ему для революционных целей. Однако, ошибочно было бы полагать, что Гельфанд из-за неудачи 9 января 1916 г. отказался от своей цели вызвать революцию в России. По его собственным словам, он не был абсолютно уверен в том, что движение сразу же будет успешным. Но он был уверен, что устойчивость положения в России будет нарушена. В своем докладе от 23 января Брокдорф-Ранцау отмечает, что организация Гельфанда будет и дальше способствовать развитию революционных действий в России¹⁴⁾. Возникает вопрос чем можно объяснить, что в архивах министерства иностранных дел Германии нет свидетельств о дальнейших переговорах и переписке с Гельфандом на эту тему.¹⁵⁾

Тем временем торговые предприятия, созданные Гельфандом развивались с удивительной быстротой. Деньги сыпались в карманы Гельфанда и Фюрстенберга. Часть средств, полученных от нелегальной торговли с Россией медикаментами, косметикой и т.д., откладывалась для секретных целей. Торговая деятельность Гельфанда, его экономические исследования и журналистика были тесно связаны между собой и служили одной большой цели: падению Русской империи. К середине 1916 г. Гельфанд материально не зависел от министерства иностранных дел. Потому он не был обязан давать отчет о том, что он делал, переносить недельную критику и давать информации, которые он предпочитал держать в секрете и от немцев. Гельфанд знал, что министерство иностранных дел не обеспечивает сохранения тайны и предпочитал финансовую независимость периодическим субсидиям, которые влекли бы за собой официальную переписку.

Несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств в архивах германского министерства иностранных дел, упорный характер забастовочного движения в России в 1916 и в начале 1917 гг. наводит на мысль, что оно руководилось и поддерживалось Гельфандом и его агентами. Ни один из его агентов в Петрограде или Николаеве не был разоблачен.

Благодаря постоянному увеличению немецкого секретного импорта в Россию, предприятия Фюрстенберга-Ганецкого процветали и спекуляция принимала все большие размеры.

¹³⁾ Zeman, стр. 14-15. Объяснения Гельфанда не были вполне понятны Брокдорфу-Ранцау, который дает несколько искаженную их версию. Например, он говорит, что русское правительство «предоставило многим лицам, которые до войны были связаны с революционерами, руководящие посты и, таким образом, сильно ослабило революционное движение».

¹⁴⁾ В своих, тщательно обдуманных воспоминаниях, Фриц М. Каген, бывший у Брокдорфа-Ранцау в Копенгагене, чем-то вроде пресс-атташе, утверждает, что он знал о плане Гельфанда насчет развития русской революции в 1916 году больше, чем он может сказать. Он подчеркивает, что ряд определенных фактов остались тайными и такими и останутся. Их нельзя будет найти и в актах министерства иностранных дел. Каген упоминает, как участников этого плана, но не дает понять, что и другие германские представительства внесли свою долю в успех дела. Fritz M. Cahén, *Der Weg nach Versailles* (Boldt, Boppard (Rhein), 1963), стр. 197.

¹⁵⁾ См. Scharlau и Zeman, стр. 232.

¹⁰⁾ Муравьев, конечно, ссылается на такие забастовки, как на описанную выше забастовку на Путиловском заводе.

¹¹⁾ Zeman, стр. 149.

¹²⁾ Письмо Григоровича Горемыкину цитируется частично у Флеера, стр. 11.

Свидетельство 26-го августа 1915 года появляется в протоколах секретных заседаний совета министров опубликованных в А.Р.Р. 18, стр. 105.

Манускрипт Яхонтова содержит другие сведения о немецкой подрывной деятельности, данные Григоровичем...

Наше предположение, что торговая деятельность Гельфанда служила не только его обогащению, но и достижению его политических целей, подтверждается докладом немецкого ревизора, проверявшего одно из отделений фирмы Гельфанда, которым тогда руководил Георг Скларц. Ревизор был очень удивлен «невероятными транзакциями», которые проводил Скларц, нарушая немецкие торговые законы военного времени, но с ведома и при одобрении германского министерства иностранных дел. Ревизор считал своей обязанностью спросить, потому

ли эти транзакции допускались, что они были необходимы министерству иностранных дел Германии для достижения других целей¹⁶).

¹⁶) См. доклад ревизора Н. Кнаца (Knatz), 7-го декабря 1917 года, процитированный Шарлау в его оксфордской докторской диссертации, стр. 211. См. также Scharlau и Zeman, стр. 232.

А. РАН

Русские поэты и Октябрь

Главное и основное отличительное свойство поэта — повышенная чувствительность. На этом настаивает Пушкин, сравнивая поэта с эхом. Он (поэт) — тот, у которого тоньше слух, зорче глаза, восприимчивее нервы; кто проникновеннее чувствует душу человека — предания веков — природу — мир — все.

Другая отличительная особенность поэта: для него услышать значит — ответить: на все им *услышанное* он дает отклик — опять-таки как эхо.

В идеале своем, — недостижимом, конечно, для человека, но руководительном — поэт, это тот, который *все слышит* — *все видит* — *все понимает* — *все запоминает*. И на *все* — откликается поэтически:

«На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа...»
(Баратынский о Гете).

Это не значит, что поэт — как эхо — только пассивно повторяет услышанное, автоматически «поддакивает». В том же (1831) году, в котором написано было «Эхо», Пушкин написал также и «Клеветникам России», страстно негодующую отповедь «народным витиям» — и это тоже — отклик *ПОЭТА*. Говоря о поэте (о Ленском) Пушкин отмечает, что не только «чистая любовь», но и «негодование, сожаленье... в нем рано волновали кровь». А о себе самом (в том же «Евгении Онегине») рассказывает, что бывали у него минуты, когда

«И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма,
Во глубине моей души...»

И это тоже — отклик *поэта*.

Итак, поэтический отклик может обладать всеми чертами, всеми оттенками как любви и согласия, так и «злости», ненависти и страстного отрицания. И во всех этих ответах — неоднократно подчеркивает Пушкин — поэт должен быть «независим», «неподкупен», «своеволен».

Поэт должен «дорогою свободной» идти, «куда влечет» его «свободный ум». Подлинный поэт «не клонит гордой головы», не желает «никому ответа отдавать», не хочет «для власти, для ливреи гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи». Для поэта — «как для сердца девы... нет закона», он не может быть принужден любить или не любить. Он, опять-таки о поэте — то есть о самом себе:

«С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: Куда? Куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечты златые...»

Пушкин самый свободолобивый из поэтов. Он сознательно противопоставил себя своему веку:

«... в мой жестокий век восславил я свободу...» Поэту Пушкин лучшее и сильнейшее противоядие против всякого тоталитаризма и униформизма, против марксиз-

ма-ленинизма в частности. Тот, кто не ограничился тем, что «всполоснул себе рот» Пушкиным, кто принял его во внутрь — в кровь — в мозг — в душу — тот тем самым застраховал себя против тоталитарных ядов. Вот почему к Пушкину обратился Блок в своем *последнем* стихотворении:

«Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
.....»

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!»

И Пастернак, поминая Пушкина, говорит о Блоке, — но это относится и к Пушкину:

«Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.
.....»

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем...»

Коммунистам, если бы они были до конца последовательны, следовало бы запретить Пушкина, этот «самый вольный, самый крайний лоб» (Цветаева), того, «кто царскую цензуру только с душой рифмовал».

Да, но есть вещи по отношению к которым даже у коммунистов «руки коротки»... По отношению к Ахматовой, Цветаевой, Пастернаку, Мандельштаму, Бродскому — и многим другим — такие меры применялись и — до сих пор — применяются... У них всех есть и поныне запрещенные цензурой к опубликованию в Советском Союзе произведения. Но Пушкин... Но запретить что-либо у Пушкина... И вот пришлось ограничиться комментариями и диссертациями.

Более поздний и меньший гораздо поэт сказал о писателе — значит и о поэте — что он

«Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия».
(Полонский).

— и это, пожалуй, верно, но с той оговоркой, что, будучи «возмущен», то есть взволнован, поэт может не только взволнованность свою перенести на совсем другую плоскость, далекую от актуально-политической, но и, оставаясь поэтом, реагировать отрицательно на возмущенную стихию — как Шенье, как Гете (во время Французской революции), как Тютчев (о декабристах), как Алексей Толстой:

«Други, вы слышите ль крик оглушительный:
Сдайтесь, певцы и художники! Кстатили

Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
.....

Други, не верьте! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!»

Чего он не может, поэт, — так это, оставаясь поэтом,
быть марксистом-коммунистом.

Поэзия и марксизм — две вещи *несовместные*.

Стихоплетом можно быть при всех обстоятельствах, но становясь поэтом, писатель в тот же час, тем самым, освобождается от уз марксизма, перестает быть марксистом, — и наоборот: оставаясь марксистом, он покидает поэзию.

Напомним, что «самому талантливому из молодых поэтов» — авторитетное мнение Ахматовой об Иосифе Бродском — печатать в России свои стихотворения запрещено и по сей день — и это в то время, когда печатаются в огромном количестве бесчисленные бездарные стихи, когда Госиздат всерьез утверждает, что «читателю должны полюбовиться книги М. Львова», который, с «присущими ему страстью и темпераментом утверждает»:

«Россия — Ленин!
Октябрьский взмах!
Россия — Ленин!
В делах, в умах!...
.....
Россия — космос!
Россия — век!»

Или строки И. Френкеля:

«Ни корану, ни тем более талмуду
Я не поклонялся и не буду.
А звезде Давида, а кресту
Пуговицу явно предпочту!»

Это смахивает, пожалуй, на отрывку от 60-х годов прошлого века, которые вообще являются одним из главных идеологических истоков коммунизма: тогда утверждалось, что «сапожник стоит выше Шекспира», на том основании, что «без сапожника нельзя обойтись, а без Шекспира все-таки можно».

Интересно сопоставить приведенные выше строки со строками из «Романса поэта» Бродского (напечатанного в Нью-Йорке):

«Так что еще, так что мне целовать,
Как одному на свете танцевать,
Как хорошо плясать тебе уже,
Покуда слезы плещутся в душе.
Все мальчигом по жизни, все юнцом,
С разбитым жизнерадостным лицом
Ты кружишься сквозь лучшие года,
В руке платочек, надпись «Никуда».

В 1964 году районный суд Ленинграда обвинил поэта в «тунеядстве» и в «невыполнении конституционной обязанности: честно трудиться на благо родины и на обеспечение личного благосостояния» — так буквально. Это ли не иллюстрация к «Поэту и черни» Пушкина?
.....

Как ответили русские поэты на «Великий Октябрь»?

Дальше речь пойдет только о поэтах — не о стихотворцах, имя которым легион.

Иные, — например, Бальмонт и Сологуб, также Ходасевич и Кузьмин, — никак не ответили, и продолжали писать на прежние темы и в прежнем стиле, все без изменения.

Бальмонт тогда сказал:

«В этот год я разлюбил Россию».

Сологуб отвернулся от Октября с отвращением, с брезгливостью:

«Муза, как ты истомилась
Созерцаньем диких рож!
Как позорно приучилась
Ждать в приемной у вельмож!
.....

Утешаешься куреньем,
Шутишь шутки, сердце сжав,
Запасись еще терпеньем, —
Всякий путь для музы прав».
(1920 год).

И еще:

«Какое б ни было правительство
И что б ни говорил закон,
Твое мы ведаем властительство,
О, светозарный Апполон...»
(1927 год).

Брюсов, заранее приветствовавший когда-то «грядущих гуннов», которые его «уничтожат», примкнул одним из первых к коммунистам, получил высокое назначение (заведовать Литературным отделом) и стал писать совсем плохие, жалкие, бесцветные вирши, — «что даже удивительно», как заметила Гиппиус, или — скорее — совсем не удивительно.

«Хочу писать по-новому — не могу», — это его признание слышала Цветаева в 1920 году.

Маяковский, «певец площадных чудес», «бумажный гром», «Ломовой извозчик» (это все определения Цветаевой), этот любитель барабанов, этот ненавистник «небесных сладостей» естественно примкнул к коммунистам. Со временем партия наложила на него свою тяжелую руку, заставив его отдать версификаторское мастерство на службу пропагандным идеям.

Друг Маяковского, художник Юрий Анненков, рассказывает о своей последней встрече с ним в Ницце в 1929 году. Маяковский спросил его, между прочим, когда же он, наконец, вернется в Россию, на что Анненков ответил, что он об этом больше не думает, так как хочет остаться художником. Маяковский, сразу помрачнев, произнес хриплым голосом:

«А я — возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом».

Затем произошла поистине драматическая сцена: Маяковский разрыдался и прошептал едва слышно:

«Теперь я — чиновник». (Анненков: «Дневник моих встреч», том 1, стр. 207).

После самоубийства Маяковского, Сталин издал приказ:

«Маяковский есть и остается лучшим и наиболее способным поэтом нашей Советской эпохи и равнодушие к его произведениям является преступлением».

Есенин, «последний певец деревни», Маркса не читавший «никогда и ни при какой погоде», — и он запел, однако, о «солнце — Ленине». Вернувшись в 1924 году в родное село, он почувствовал себя все же отчужденным:

«Ведь я для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.
.....

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наигрывая рьяно
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол».

«Вот так страна! Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и пожалуй, сам я тоже здесь не нужен».

Эренбург и Волошин завели плачь о России:

«С Россией кончено... На последях
Ее мы проглядели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях».

(Волошин, 22 ноября 1917 г.).

В 1920 году Волошин обращается, однако, к «бесам», которые «расплясались, разгулялись по России», с своеобразным приветствием:

«Нам ли весить замысел Господний?
Все пойдем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной Преисподней —
Божий бич — приветствую тебя!»

Эренбург ужасался чугунному шагу «коммунизма», его «варварскому однодумью», заявлял, что он не согласен, что ему страшно — все это, прежде чем не только принять новый строй, но и ему поклониться.

Гумилев — он действовал, он стал разъяснять рабочим и матросам несостоятельность марксизма, — за что и был коммунистами «ничтоже сумняшеся выведен в расход» в 1921 году, — а было ему всего 37 лет.

Пастернак и Мандельштам встретили Октябрь отчужденно, не без жути. Пастернак был вообще «поверх барьеров», он в то время и «с Байроном курил» и «пил с Эдгаром По», а просыпаясь спрашивал:

«В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?»

Но и у него начинается тревога:

«А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно — что жилы отворить».

Он негодует, что «все жили в сушь и впроголодь, в борьбе ожесточась», и спрашивает с тоской:

«Куда часы нам затесать?
Как скоротать тебя, Распад?»

Мандельштам опубликовал в 1917 году в газете эсеров «Воля народа» — в этом году оппозиционные коммунистам издания еще продолжали существовать — два стихотворения; они позднее им не перепечатывались. В ноябре 1917 года он открыто высказывается против Ленина и за Керенского:

«Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы,
И ошетинился убийца-броневик,
И пулеметчик узколобый,
Керенского распять потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала.

И укоризненно мелькает эта тень,
Где зданий красная подкова;
Как будто слышу я в октябрьский тусклый день:
Вязать его, щенка Петрова!
Среди гражданских бурь и яростных личин,
Тончайшим гневом пламенея,
Ты шел бестрепетно, свободный гражданин,
Куда вела тебя Психея».

В декабре 1917 года он пишет — очевидно из осторожности заменяя октябрь — декабрем:

«И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...
На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!»

Клюев и Хлебников отдали дань временному увлечению большевизмом. Клюев был арестован,

сослан в Нарымский край и умер в ссылке в 1937 году. Многие им там написанные утеряны. Вот несколько строк:

«Ты, Рассея, Рассея теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу —
Насытишь утробу нашу!»

В эпической поэме «Ночной обыск», написанной в конце 1921 года, незадолго до смерти, Хлебников, явно переключаясь с «Двенадцатью», подспудно полемизирует, и как бы сводит счеты с Блоковской поэмой об Октябре. Подход Хлебникова куда натуралистичнее, жестче, — без романтизации, — без Иисуса Христа, «легкой поступью» шествующего у Блока впереди красноармейцев..

У Хлебникова дело происходит в Одессе. Пьяная орава черноморских матросов врывается в дом номер 38, убивает молодого офицера («белого зверя»), предварительно раздев его догола, издевается над его женой (или сестрой?), измывается над старухой матерью. В выкриках матросов хамство, жестокость, жадность чередуются с цинизмом и богохульством.

Вот некоторые из них:

«Что разговаривать! / Бери, хватай! / И только!...
Бери, / Сколько влезет... / Давай...»

Трах-та-тах! / Трах!... / Прикладом бах! / Бах! Бах!
Ловко моряки. / Наше дело морское: / Бей и руши! / Бей и круши! / Ломите, ломайте. / Грабьте и грабьте, / Морские лапты! / Смелей! Не робь!

Еще два выстрела: / Вот этот в пол, / А этот в Бога! / Вот так! Сюда! / Пошлем его к чертям собачьим.

Здесь будет попойка... / Где старуха? / Мать, ты здесь? / Жратвы! / Вина и лососины! / И скатерть белую. / Цветы. / Стаканы. / Будет пир как надо. / Да чтоб живеи. / И мясо, и жаркого, / Не то согнем в подкову. / — Будем шамать, / Ашата, браточки, кушать. / Жрать. / Сейчас пойдет работа — мама! / И за скулою затрещит.

Это по-нашенски, / А не по-нищенски. / Вдребезги / Ббаам-паах!

Пей, море, / Гуляй, море, / Шире, больше! / Плещись! / Море разлитое!...

Всем один конец, / А двух не бывать. / К Богу мать. / А плевать...

Все равно. Нам водка море разлитое. / А Богу — облака. Не подеремся. / Вон Бог в углу... / Да, Он в углу глядит... / На самоварную лучину / Его бы расколоть! / И мелко расцепить... / ...Хочу убитым пасть на месте, / Чтоб пал огонь смертельным / Из красного угла. / Чтобы сказать Ему — дурак! / Перед лицом конца... / Спаситель! Ты дурак...

Теперь я Бога победить хочу / Веселым смехом... / Дай закурим! / И поговорим с Тобой по душам... / Давай поцелуемся. / Обнимемся и выпьем на ты. / Иже еси на небеси...

Я самогона притащу, / Аракой Бога угощу / И созовем туда марух... / Потом святого вдрызг напоим, / Одесса-мама запоем. / О боги, боги, дайте закурить! / О чем же дальше говорить?

«А время на судно иди». — Идем... / — Братва! / Мы где увидимся? / В могиле братской? / ...На том свете. / Я принимаю от трех до шести. / ...Иди смелее: / Боятся дети, / А мы уж юности прости... / А я доволен и спокоен. / Стою, кручу усы...»

Хлебников умер в 1922 г. от последствий голода в деревне Санталово, Новгородской губернии.

Отдали дань временному увлечению большевизмом и два крупных поэта старшего поколения — Белый и Блок, — но не Вячеслав Иванов.

Белому почудилась Россия в 1917 году «Мессией грядущего дня». В 1918 году он экстатически провозгласил:

«Россия, / Ты ныне невеста, / Приемли / Весть / Весны. . .»

«Россия, / Страна моя — / Ты — та самая, / Облеченная солнцем Жена, / К которой / возносятся / взоры. . . / Вижу явственно я: / Россия, / Моя, / Богоносица, / Побуждающая Змия. . . / В неопикуемый, / В огненный год, — / Духом взыскуемый / Голубь сойдет. / Исполнится чаемый час, / Наполнятся славой братаний, / Перерезавши тьму как алмаз. . . / Исполняйте огромные дни! / Распадайтесь вы, темные храмы! / Молниеносны, как песни — огни. . .»
и так далее.

Отрезвление, разочарование пришли довольно скоро. Подводя итог своим умственным метаниям, Белый имел мужество признаться:

«В конце концов это было полным банкротством синицы, обещавшей зажечь море, но, вместо того, пойманной в клетку, в которой она забилась».

Главные произведения Белого — «Петербург», «Серебрянный голубь» и другие — не переиздавались ни разу в Советском Союзе и рядовому читателю там недоступны. По слухам в бумагах Белого после его смерти были обнаружены антипартийные высказывания.

На Блоке, этом «героическом теноре эпохи» (Ахматова), следует остановиться подробнее уже потому, что он был «последней любовью России» (как Пушкин — первой). Он никогда не был партийным человеком, более того — он всегда был антипартийным. Но считал себя и был представителем русской интеллигенции, верил — уже с 1905 года, что «революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица», а русская, то есть царская, государственная машина есть гнусная, слюнявая, вонючая старость, «правда же всегда на стороне юности» (из писем к Розанову в 1909 году).

Как и Белый, Блок в 1917 году увлекся большевизмом. «Коммунизм» — иными словами марксистско-ленинская идеология — всегда был ему чужд, — в отличие от «большевизма» — «русского бунта», того, о котором Пушкин сказал (в «Капитанской дочке»): «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

Блок в 1917 году услышал в нем «музыку» и призывал «всем сердцем. . . слушать музыку революции». Скоро, однако, народная стихия начала спадать и уступать место административным мероприятиям коммунистических чиновников, — Блок перестал «слышать музыку», революция для него умерла — и он стал задыхаться. Последовала гибель его — сначала как поэта (он о себе тогда сказал: «стихи писать забывший Блок»), потом и как человека. Художник Анненков, сблизившийся с Блоком в эти годы, сообщает:

«В последний год его жизни разочарования Блока достигли крайних пределов. В разговоре со мной он не боялся своей искренности:

«Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! — повторял он, — и не я один. Мы задыхаемся, задыхаемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!»

Или: «Опротивела марксистская вонь».

Такие фразы не забываются.

(Анненков, «Дневник встреч», Том 1, стр. 74).

Вот отрывки из записной книжки Блока (все подчеркивания — Блоком):

За 1918 год — Горе мне, горе несчастному, — от всего с ума сойду (26. 8.).

— Как безвыходно все. Бросить бы, продать все, уехать далеко — на солнце (21. 8.).

— Полное отчаяние (17. 11.). — Неужели я не имею простого права писательского (21. 11.). — Будто все проваливается (11. 12.). — Отчаянье, головная боль; я не чиновник, а писатель (2. 11.). — Жизнь становится чудовищной, уродливой, бессмысленной (20. 12.).

За 1919 год. Бюро. Чепуха беспредельная (9. 1.).
— Вздорное заседание и прочая чепуха (обыкновенная) (21. 2.).

— Я устарел и больше не имею успеха. Не пора ли в архив? (15. 4.).

— Тоска. Когда же это кончится?! Проснуться пора (20. 4.).

— Делать уже ничего не могу. — Кто погубил революцию (дух музыки?) (3. 5.).

— работать по-настоящему я уже не могу. . . Значит, моему существованию конец? (4. 5.).

— До каких пределов дойдет отчаяние? (17. 11.).

— Неужели я вовсе кончен? (19. 11.).

За 1920 год. — Опять чувствую, что эксплуатируют все (16. 11.). (Подчеркивание последнего слова здесь означает, конечно, коммунисты тоже эксплуатируют).

Из дневников:

За 1918 год:

— Большевики правы, опасаясь «Двенадцати» (10. 3.).

За 1921 год:

— Утренние до ужаса острые мысли среди глубины отчаяния и гибели. Научиться читать «Двенадцать». Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордена иметь всегда. . . (17. 1.).

Несколько раз Блок возвращается к стихотворению Пушкина «Из Пиндемонти» (это собственное стихотворение Пушкина, для камуфляжа приписанное им итальянскому автору).

— «Никому отчета не давать» и так далее. Эта свобода и есть счастье (2. 2.).

Блок цитирует Потебню: «Поэт может настаивать на своем праве (на личную свободу), потому что цель его деятельности не может быть определена ни им самим, ни другими заранее» (21. 1.).

— О Пушкине: в наше газетное время.

«Толпа вошла, толпа вломилась. . . и ты невольно устыдилась и тайн и жертв, доступных ей». (Здесь Блок цитирует Тютчева и прибавляет): «Пушкин этого избежал» (17. 1.).

Но Блок этого — не избежал. Уже в январе 1920 года Блок писал о «Двенадцати»:

«В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии — не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1917. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было написано в согласии со стихией. . . Те, кто видят в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи. . . Посмотрим, что сделает с этим время. . . Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией».

20 января 1921 года, в Доме литераторов, уже больной Блок произнес в речи, посвященной 84-ой годовщине смерти Пушкина, следующее: «Покой и воля необходимы поэту для освобождения гармонии, но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю — тайную свободу. И поэт умирает, потому что ему дышать уже нечем: жизнь потеряла смысл. . .»

Пусть же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение. . .

Анненков, присутствовавший при этом, замечает:

«Я оглянулся в эту минуту: беспокойство отражалось на многих лицах. Но голос Блока был, как обычно, ровен, тих и тверд».

Мы рассмотрели отклики русских поэтов на Октябрь — в самое первое время после переворота.

Позднее они уже не имели возможности свободно откликаться на него.

Г. КРУГОВОЙ

Роман о Христе в советской литературе

Роман «Мастер и Маргарита» М. Булгаков начал писать в 1928 г. Над его отделкой писатель продолжал работать до самой смерти в 1940 г., зная, что в условиях партийной цензуры его роман все равно не будет напечатан, как не был напечатан роман Мастера о Пилате и Христе. В 30 гг. советская критика отнесла М. Булгакова «на крайне правый фланг современной русской литературы», объявив его «художественным выразителем правобуржуазных слоев нашего общества». На собственном горьком опыте писатель испытал травлю и клевету со стороны литературных охранителей чистоты сначала «пролетарской литературы», а затем и «социалистического реализма». В описании писательской судьбы Мастера можно распознать мытарства самого Булгакова. Подобно Мастеру в романе, ему пришлось сжечь свою рукопись. Ироническое замечание демона Коровьева, что не удостоверение официальной литературной организации, а талант и умение делают из человека писателя, характеризует положение литератора в СССР до сегодняшнего дня.

Роман «Мастер и Маргарита» увидел свет только в 1966-1967 гг., появившись, спустя 26 лет после смерти писателя, в журнале «Москва». Подобно журналу «Новый Мир», журнал «Москва» представляет либеральное крыло в современной советской литературе.

Среди других произведений М. Булгакова этот роман занимает особое место. Как по характеру жанра, так и в смысле более совершенного использования писателем художественных приемов и литературных средств, «Мастер и Маргарита» — вершина художественного мастерства М. Булгакова.

В советскую литературу раннего периода — 1918-1934 гг. М. Булгаков вошел как исключительно разносторонний писатель: романист-реалист, сатирик и драматург.

«Мастер и Маргарита» один из лучших образцов сатирического жанра в русской литературе. Но в то же время — это роман философский. При этом философское содержание романа реализуется приемами сатиры для выражения философского содержания, выходящего за пределы задач сатирического жанра или экспериментирования формами. Именно этим качеством роман отличается от ранних сатирических произведений М. Булгакова. Приемы «чудесного», «сверхъестественного», гротеск используются Булгаковым в романе для постановки самых глубоких проблем философского порядка.

Чтобы проследить рост художественного мастерства писателя интересно сравнить его манеру использования художественных приемов в романе с таковой в других его произведениях. Наиболее близким «Мастеру и Маргарите» по сходности приемов и существенно сатирическому жанру произведением М. Булгакова является его рассказ «Диаволиада», давший название вышедшему в 1925 г. сборнику рассказов.

«Диаволиада» — сатира на бездушную и неэффективную советскую бюрократию 20-х гг.; рассказ повествует о злключениях и гибели делопроизводителя Короткова. С формально-литературной точки зрения рассказ интересен еще тем, что в нем М. Булгаков воспользовался популярной в русской «натуральной школе» 30-40-х гг. XIX в. темой «бедного чиновника». Эта тема в свое время нашла свое классическое выражение в «Шинели» Н. В. Гоголя и в «Бедных Людях» и «Двойнике» Ф. М. Достоевского.

Между «Диаволиадой» М. Булгакова и «Двойником» Ф. Достоевского совершенно очевидна литературная преемственность. Обоим героям — Голядкину и Короткову — присуща запуганность и мнительность. Также сближает их сходство некоторых речевых оборотов. Оба сходят с ума. Правда, прием «двойничества» разворачивается у Булгакова, соответственно его творческой задаче, в ином плане. Двоится не Коротков, а его начальник и губитель Кальсонер. В рассказе Булгаков широко использует фантастические образы и ситуации. Однако в «Диаволиаде» демонические персонажи остаются преимущественно ли-

тературным приемом для сатирического изображения критикуемой М. Булгаковым социальной действительности. Рассказ еще не выходит за пределы трех измерений. Его атмосфера напоминает сцену бесовского шабаша в Черноморской киностудии в сатирическом романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

В романе «Мастер и Маргарита» аналогичные приемы исполняют новую углубленную функцию. Также и здесь демонические образы служат «посюсторонним» целям разоблачения уродливых сторон современной Булгакову действительности. Эта действительность служит злу, но не своей демоничностью (как напр. в «Диаволиаде»), а пошлостью и подлостью. Духи тьмы и смерти оказываются здесь преимущественно катализаторами, ускоряющими действие типично человеческих пороков. Но вместе с тем в силу своей сатирической функции образы демонического мира в романе, не принадлежа земному миру, приобретают качество амбивалентности. Это качество Булгаков с большим тактом и чувством меры выражает средствами литературной иронии, достигая при этом большего художественного и смыслового эффекта.

Дело в том, что ирония, как литературный прием, включает в себе предпосылки к переходу в парадокс, а это, в свою очередь, создает возможность использования средств парадокса для литературной трактовки тем Добра и Зла, Бога и Сатаны, бессмертия и небытия, атеизма и веры.

Фактически в этом направлении указывает эпиграф М. Булгакова к роману. Эпиграф взят из «Фауста» Гете. Это ответ Мефистофеля Фаусту о себе:

„Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Böse will
Und stets das Gute schafft“.

Так роман-сатира становится философским романом, и Булгаков искусно включает указанные темы в действие романа через очень удачное усложнение сюжетной композиции. Роман состоит из трех относительно автономных сюжетных линий: появления в Москве сатаны Воланда с четырьмя демоническими спутниками и их приключений в столице, истории любви Мастера и Маргариты, рассказа о встрече Пилата с Христом.

Каждая из этих сюжетных линий сохраняет только относительную самостоятельность. Все они взаимно обуславливают друг друга и определяют удивительно уравновешенную архитектонику и целостность общего сюжета романа. По мастерству и совершенству композиции «Мастер и Маргарита» может считаться одним из самых блестящих образцов формально-структурной завершенности в советской прозе. Достоинство последней далеко не всегда присуще. Но сама эта взаимообуславливающая уравновешенность частей романа — драматической встречи Христа и Пилата, большой земной любви Маргариты и Мастера, проделок ангелов тьмы — как бы литературно-художественно иллюстрирует одну из основных идей романа: метафизически все в бытии обуславливает друг друга и нуждается друг в друге. Добро и зло не смешиваются. Но через присутствие зла приобретает отчетливость и императивность добро. Свет предполагает тень. Силы зла могущественны, но метафизическое зло в конечном счете не в силах побороть добро и принуждено уступать добру, которое побеждает не насилем, а любовью. Чистый человек, подобный Маргарите, даже соприкасаясь со злом и пакируя с ним, не теряет цельности и, силой любви (если эта любовь подлинна, лична и жертвенна) осуществляет в бытии добро.

В наши задачи не входит оценка указанных взглядов, выраженных в романе, которые, разумеется, могут вызвать самые серьезные и веские возражения, как взгляды религиозно-нравственно соблазнительные и философски спорные. В данном случае нам хочется показать, как, пользуясь средствами литературы и оставаясь при этом элементом художественной фантастики, М. Булгаков ставит философские и для советских условий духовно-революционные вопросы.

Пожалуй, одной из самых значительных особенностей романа «Мастер и Маргарита» в истории всей советской литературы является то, что в ней появляется образ Христа, и Христос оказывается одним из героев романа.

Конечно, это не Христос Евангелий и Церкви. Мы даже не можем с абсолютной уверенностью сказать, что это Христос самого Булгакова, т.к. автор постоянно прикрывается щитом иронии. Мы могли бы ограничиться утверждением, что Иешуа Га-Ноцри романа прежде всего литературный образ, исполняющий в целостной художественной структуре романа определенную функцию, соопределяющую динамику и развязку сюжета. Тем не менее, присматриваясь внимательно к этому образу, мы легко обнаруживаем, что в общем комплексе внелитературных, философских значений романа образ Иешуа Га-Ноцри занимает исключительно важное место. Было бы несправедливо ограничивать значение этого образа чисто литературно-сюжетными функциями. Больше того, именно манера использования Булгаковым литературных приемов в обрисовке образа Христа позволяет вскрыть его сущностное смысловое значение в общем философском видении мира и человека, как оно определяется в романе.

В романе источники информации о Христе с самого начала дwoятся, и сама информация приобретает характер иронической амбивалентности. Роман начинается беседой между поэтом Иваном Безродным и редактором Берлиозом в саду на Патриарших прудах в Москве, в которой Берлиоз, вооруженный всеми доводами «научного» атеизма, старается убедить Ивана, что Христос никогда не существовал и является всего на всего религиозным мифом, аналогичным религиозным мифам разных культур о умирающих и воскресающих божествах. Затем повествование о Иешуа Га-Ноцри начинается во 2 главе «очевидец и свидетель» события сам сатана-Воланд, рассказывая Ивану и Берлиозу о беседе Христа с Пилатом и о вынесении Христу смертного приговора: В 16 главе помещенному в сумасшедший дом Ивану снится казнь Христа. В 25 главе Маргарита читает рукопись Мастера, в которой Пилат мучится раскаянием и по его приказу убивают Иуду. В 29 главе к Воланду и его свите спускается Левий Матвей и передает ему желание Христа, прочитавшего роман Мастера, чтобы Мастер и Маргарита, не заслуживающие райского света, были награждены Покоем (в романе место и состояние между областью божественного света и областью сатанинской тьмы). Наконец, в заключительной 32 главе Мастеру и Маргарите открывается видение Небесного Иерусалима. Они становятся свидетелями прощения Пилата, который по лунной дорожке устремляется к свету, чтобы в вечности продолжить прерванную в день казни беседу с Иешуа.

Откуда же идет видение Голгофы и тоска по Христе вместе с проникновением в душевную драму Понтия Пилата у Мастера и Ивана? Оно не пришло свыше. Мы узнаем, что в Небесном Ершалаиме познакомились с рукописью Мастера через год после ее окончания. Не является ли тоска по Христе бессознательной потребностью духовно не омертвевшего человека, который потерял связь с Христом? Правда, в известной мере Ивана натолкнул на его судорожный и незавершенный христоискательский путь злой дух Воланд, а затем Мастер. Но кто вдохновил Мастера? М. Булгаков не дает на этот вопрос ясного ответа и укрывается за ускользающей амбивалентностью иронии. Он как бы допускает мысль, что на таинственных жизненных путях человека, зло может указать пути к добру. По настоящему торжествовать на земле зло может лишь тогда, когда порочен сам человек.

Но значит ли это, что человек по природе дурен и зол? Иешуа Га-Ноцри романа говорит, что нет. Собственно в этом убеждении в существенной благодати человеческой природы заключается суть учения Христа в романе. Христос романа в общем несколько напоминает Христа Л. Н. Толстого. Но только напоминает, т.к. М. Булгаков оставляет открытой возможность божественности Христа.

Как и другие главные образы романа, Иешуа Га-Ноцри обрисован приемами иронии и парадокса. Это определя-

ет амбивалентность его образа. Иешуа Га-Ноцри — человек без рода и племени. Он — распят и погребен в одной яме с разбойниками. Его воскресение должно быть выдумка его фанатичного и узкого ученика Левия Матвея, который снял с креста и хотел похитить его тело и который приписывал учителю то, чего он не говорил. Но в то же время Небесный Ершалаим реален, и в нем, как можно полагать из текста, правит Иешуа, если можно в данном случае употребить слово «правит». Небесный Иерусалим — область божественного света — высшая цель человека, ищущего совершенства. Ему противостоит Земной Град — залитая вечерним солнцем Москва. Она — несомненно по земному красива, но и по земному порочна. И она временна, т.к. человек призван к бессмертию. По замечанию Воланда Москва — Земной Град — для Мастера пройденный этап. Подвальчик. Подвальчик бытия. Возвращение в него бессмысленно, когда взору, хотя бы вдали, открылся в сверкании божественного света Небесный Ершалаим.

Христос романа не имеет власти над автономным и реальным метафизическим злом (это напоминает взгляды Бердяева). И в то же время последнее не смеет противостоять ему, его смиренной побеждающей воле.

Христос ли это самого М. Булгакова? Может быть да. Может быть нет. В конце концов это неважно, т.к. мы говорим здесь о литературном произведении, как таковом, философское содержание которого остается неизменным, независимо от личных взглядов автора. Но нам все-таки представляется вероятным положительный ответ.

В справедливости такого предположения убеждает едкая насмешка и сатирическая критика, которые Булгаков направляет против так называемого «научного» атеизма. Этой теме посвящены 1 глава с беседой Воланда с ученым атеистом Берлиозом и эпилог романа, где Булгаков высмеивает «научные объяснения» проделок Воланда и его спутников. «Научный атеизм» объясняет, но доказать ничего не в состоянии. К тому же неверно и само объяснение. В какой-то степени М. Булгаков приближается к высказанной в «Идиоте» Достоевского мысли, что атеист в своем отрицании Бога говорит собственно «не о том», проходит мимо проблемы.

В заключение можно задать еще один вопрос: чем объясняется необыкновенный успех романа у советского читателя? В своем предисловии к роману в № 11 журнала «Москва» за 1966 г. Константин Симонов указал, что каждый читатель согласно своим наклонностям и вкусу может отдавать предпочтение разным аспектам романа. Одни могут быть увлечены описанием любви Маргариты и Мастера, другие — сатирой на советское мещанство и порядки, существующие в советской литературной среде (мимо этого явления Симонов проходит не задерживаясь). От себя добавим, что любители литературных форм могут восхищаться мастерством, с каким роман был сделан, не обращая особого внимания на содержание. Константина Симонова поразило описание одного дня римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата. К. Симонов оговаривается, что в этом описании его поразила «великолепная проза, нагая точность, которая вдруг заставляет вспоминать о лермонтовской и пушкинской прозе».

Но ведь может поразить и другое. Как-то настойчиво напрашивается мысль, что в образе вначале невежественного но внутренне честного поэта Ивана Безродного, а в эпилоге — ученого профессора Института Истории и философии Ивана Николаевича Поньрева, М. Булгакову представлялся образ какой-то части современной ему и вышедшей из народа интеллигенции. И во времена Булгакова, и теперь, она против голоса совести, но исполняя волю государства, повторяет деяние Понтия Пилата — невольного (и все же нравственно ответственного) распятеля Истины. Но и ее, как и Пилата романа, властно, хотя и бессознательно, влечет к Христу. И как римскому прокуратору ей в конце концов откроются ворота Небесного Иерусалима. Но это уже тема, которая не имеет отношения к критическому обзору.

Евгений Замятин

О СУДЬБЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*)

Голодать русские писатели привыкли: главная причина молчания — не хлебная и не бумажная, а гораздо тяжелее, прочнее, железней. Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правовверным, должен быть сегодня — полезным, не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатолий Франс — тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло.

Пытающиеся строить в наше необычайное время новую культуру — часто обращают взоры далеко назад. к стадиону, к театру, к играм афинского демоса. Ретроспекция правильная. Но не надо забывать, что афинский народ умел слушать не только оды: он не боялся и жестоких бичей Аристофана. А мы... где нам думать об Аристофане, когда даже невиннейший «Работяга Словотеков» Горького снимается с репертуара, дабы охранить от соблазна этого малого несмысленныша — демос российский!

Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое.

*) Из статьи «Я боюсь». «Дом Искусств» № 1, Петроград, 1920 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ АТАМАНА ГЕН. А. М. КАЛЕДИНА

Прошло более двух лет с того времени, как казаки во Франции решили увековечить память ген. Каледина изданием книги об этом талантливом военачальнике, герое Луцкого прорыва, и незабываемом вожде казачества. Созданная для этой цели комиссия и автор книги собрали ценный и богатый материал, относящийся к жизни и деятельности этого выдающегося человека. Многие впервые появятся в печати. Написанная Н. М. Мельниковым, последним председателем Донского Войскового Правительства и непосредственным сотрудником ген. А. М. Каледина, книга «Ге-

нерал А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» сдана в печать.

Она состоит из 3-х частей: первая часть — «Ген. Каледин — до революции» описывает его деятельность до переворота (его служба, командование 12-ой Кав. дивизией и 8-ой армией, Луцкий прорыв и т. д.), вторая — «Ген. Каледин — Донской Атаман» (Московское Государственное совещание. Каледин на Дону, начало гражданской войны, зарождение Добровольческой Армии и т. д. Несколько глав отведено полк. Чернецову — яркой звезде Калединской эпохи), третья часть — различные приложения, стихи посвященные его памяти и т. д. В книге 350 страниц, много редких фотографий и карт.

Таким образом перед читателем появится образ не только Донского Атамана, но и выдающегося военачальника и полководца русской армии.

В данное время, в связи с приближением 50-летия начала роковых событий происшедших на нашей Родине, в СССР издается много трудов посвященных революционному периоду и тому который ему предшествовал, т. е. Первой мировой войне. В них советские авторы высоко оценивая командование 8-ой армии и операцию Луцкого прорыва, не упоминают имени Каледина. Коммунистическая «мораль», всегда находящаяся на службе партии этого им не позволяет: по их мнению один из основополож-

ников борьбы с коммунизмом не мог сделать ничего положительного. Книга же «Ген. А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и Донской Атаман», в которой обрисован подлинный образ ген. Каледина и правдиво описана его деятельность, позволит будущему историку восстановить истину.

Вместе с недавно вышедшими монографией «Митрофан Петрович Богаевский» и «Воспоминаниями ген. А. П. Богаевского», книга об Атамане Каледине дает яркую картину начала белой борьбы на Дону.

Выпуск книги намечается в начале 1968 г. Ее стоимость по предварительной подписке 26 фр. фр. (или 5,50 долл.). Тираж ее ограничен.

В дальнейшем полписка принимается:

1. В редакции журнала «Родимый Край»: Bogaevsky, 230, avenue de la Division Leclerc, 95 — Montmorency, France.

2. У председателя Казачьего Союза во Франции: Kouznetzoff, 37, rue Gallieni, 92 — Malakoff, France.

3. У атамана Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке: Afan, 49 Miller ave. Brooklyn, N. Y. 11206, U.S.A.

Лиц внесших меньше 26 фр. (или 5,50 долл.) просят прислать дополнительную сумму.

Председатель Комиссии по увековечению памяти Атамана ген. А. М. Каледина

Б. Богаевский

Евгения Семеновна Гинзбург. Крутой Маршрут. Хроника времени культуры личности. Milano, Arnoldo Mondadori Editore, январь 1967 г., 474 стр.

Автор книги — убежденная коммунистка, журналистка и научный работник, жена крупного администратора, заслуженного коммуниста, попадает в 1937-м году в водоворот Сталинского террора и только через 17 лет выходит на свободу. В момент ареста Е. С. Гинзбург было 30 лет. Этим обстоятельством да еще завидным здоровьем можно объяснить великое счастье автора пережить все тягости, пытки и издевательства 17 тяжелых, невыносимых лет. Предисловие книги кончается словами: «В нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда. Уже сегодня можно рассказать людям о том, что было, чего больше никогда не будет.» Мы опасаемся, что это утверждение слишком оптимистично, так как рассказать людям о том, что было, автору не позволили. Журналу «Новый Мир», собиравшемуся печатать «Крутой Маршрут», в последний момент это было запрещено. Повидимому время для «великой ленинской правды» еще не пришло. Галантливая писательница крайне живо и реалистично передает свои переживания за 17 лет тюремного заключения и лишений о встречах с палачами, администрацией и заключенными, но все с точки зрения ортодоксальной коммунистки. Может быть, поэтому характеристики заключенных коммунистов, оставшихся верными идеям Ленина и даже Сталина, несмотря на весь ужас практического применения этих идей, несколько поучительно ходульны. Несомненно эта книга будет переведена на многие языки. Ее особенно полезно прочитать всем коммунистам и интеллектуалам». К сожалению,

итальянское издательство допустило множество опечаток.

Arthur Voice. The Art and Architecture of Medieval Russia. Norman, University of Oklahoma Press, 1967, 9.95 доллар. (Искусство и архитектура древней Руси)

Книга состоит из четырех прекрасно иллюстрированных частей. Первая посвящена дохристианскому периоду, вторая — искусству и архитектуре начала русской истории, находившихся под сильным византийским влиянием, третья — национальному периоду с постепенно усиливающимися, характерно русскими особенностями и четвертая — художественным ремеслам. Книга написана с большим знанием затронутых тем.

Karl Smitz-Moormann. Das Weltbild Teilhard de Chardins. Köln, Westdeutscher Verlag, 1967, 204 стр., DM 86.80. (Картина мироздания Тейяра де Шардена).

После вступления, посвященного тейяровской проблематике эволюционирующего мира, автор анализирует картину мироздания по трудам Тейяра, в трех главных направлениях: физики, ультрафизики и метафизики. В заключительной части приводится биография Тейяра де Шардена и разбор понятий и терминологии его трудов. Формулировки автора показывают его глубокие знания естественных наук, философии и теологии. Общество «Fondation Teilhard de Chardin» в Париже любезно предоставило автору свои архивы, в том числе и рукописи неизданных трудов Тейяра де Шардена.

Roland Gerhardsen. Christen und Kommunisten. Köln, Verlag Wissenschaft und Politik, 1967, 112 стр. DM. 6.50 (Христиане и коммунисты).

Прекрасно изданная брошюра посвящена так называемой «Христианской мирной конференции», регулярно собирающейся в Праге, где также находится постоянное бюро президиума, рабочие комиссии, совещательные группы и центр этой организации. Каждые три года повторяющиеся «Всехристианские собрания мира» являются фактически генеральными собраниями «конференции». Автор вскрывает противоречия между открытым преследованием религии в странах восточного блока и деятельностью «конференции», стремящейся с помощью организуемых филиалов распространить свою деятельность на возможно большее число стран свободного мира. Ответ на этот вопрос дается автором и в его брошюре «Frieden-Freiheit-Gerechtigkeit» («Мир - свобода - справедливость») (Evangelischer Verlag, Hamburg: «Мы можем признать, что эти (коммунистические) правительства также заинтересованы в наших христианских конференциях, как в балетных ансамблях, футбольных командах, шахматных и любых других культурных контактах»).

J. A. Seleznev. Krieg und ideologische Kampf. Bern, Schweizerisches Ost-Institut, Jubiläumstr. 41, 86 стр., шв. фр. 6.50 (И. А. Селезнев. Война и идеологическая борьба).

Эта изданная в немецком переводе брошюра несомненно заинтересует не только военных и профессиональных политиков, но всех кто следит за соперничеством между режимами диктатуры и демократии. Первое издание напечатано в издательстве министерства обороны Советского Союза в количестве 7000 экземпляров. Последнее указывает, что брошюра предназначалась только для определенного весьма ограниченного круга читателей. Автор доказывает необходимость идеологической пропаганды как составной части каждой войны.

O. K. Swir. Let us understand Russia. New York, Ed. Newspaper Rossiya, 1967, 220 стр., 6.50 долларов. (О. К. Свирь).

Книга является прекрасным ответом на злостную пропаганду против исторической России. СССР — не Россия!

Монах Антоний Савваит, издательство «Вечное», 7-bis, rue du Bois, Asnières (Seine), France, 60 стр.

В брошюре помещены, кроме биографии о. Антония Савваита (в миру Александра Сергеевича Кузнецова), скончавшегося в 1963 году в обители пр. Саввы в Палестине, многие его письма, в которых он с глубокой христианской мудростью подходит к актуальнейшим проблемам повседневной жизни. Например: «Основная цель христианского воспитания состоит в том, чтобы научить ребенка самому сражаться за свою душу с окружающим злом, сделать его «спасающимся»».

Otto Hoetzsch. Russland in Asien. Geschichte einer Expansion. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1967, 176 стр. DM. 18.00. (Россия в Азии — история одной экспансии).

На основании кропотливо собранных данных и документов, находящихся вне Советского Союза, автор дает объективное описание завоеваний России во время царствования Императора Александра Второго. Знаком России Клаус Менерт в предисловии справед-

ливо указывает на то, что эти завоевания дали России не только новые возможности, но в то же время явились для нее и колоссальным бременем.

Обиход церковного пения. (издание 1909 года, повторное издание фотографическим путем). CH 951, Gureglia Turcino, Switzerland, Centro di Studi Bizantini, шв. франков 45.

В 1909 году в Москве был издан последний «Обиход церковного пения», наиболее приближающийся к древним мелодиям Киевского и Греко-болгарского распева. Предисловие к повторному изданию написано профессором И. А. Гарднером, дающим необходимые объяснения о том, как читаются так называемые «квадратные ноты», заменившие в конце восемнадцатого века безлинейную «крюковую» нотацию.

Журнал «Витязь».

В номере 3 (17) за март 1967 года юношеского журнала «Витязь», редакция журнала так обрисовывает свои задачи: «Выпуская этот журнал, утверждаем наше искреннее намерение принять сознательное и активное участие в жизни «Малой Руси», как некоторые люди в России называют русское зарубежье. Действительно, перед молодежью стоит трудная задача: обеспечить жизнь свободного русского слова в зарубежье. Мы пользуемся неограниченной свободой и было бы стыдно с нашей стороны не проявлять никакой деятельности, живя в таких привилегированных условиях и зная, что наши сверстники «там» часто рискуют своей жизнью и, по крайней мере ссылкой, например, подпольно выпуская сборники сти-

хов. Кто не был в современной России, не подозревает, насколько там интересуются нашей жизнью. Нередко слышались такие слова: «Как нам приятно просто знать, что есть русские люди, живущие на свободе». Постараемся оправдать эти слова, и дадим обещание быть на высоте!»

Члены редакционной комиссии: В. Балина, Ю. Залесский, В. Кочубей, О. Оболенская, А. Поляков, О. Трубникова, А. Федоров, В. Худокормов, Д. Шаховской, Е. Шмеман и В. Ягелло.

Цена отдельного номера 2 французских франка. Адрес редакции: Redaction «Le Vitiaz», 90, rue de Rennes, Paris 6, France.

В. С. Соловьев. Полное собрание сочинений в 12 томах.

Полное собрание сочинений знаменитого русского философа Владимира Соловьева в 12 томах на русском языке выпускается впервые, в эмиграции в 1967 году издательством Foyer Oriental Chrétien, 206, Av. de la Couronne, Bruxelles (Бельгия) Уже выпущенные 4 тома немедленно высылаются подписчику, внесшему подписную плату 90 долларов на имя издательства, по счету: Kreditbank 3359/7/13643, Bruxelles 5, Belgique.

Книга-памятка Корниловцев.

Книга-памятка издана объединением Корниловцев ко дню 50-летия основания своего ударного полка. В книге ряд статей, посвященных боевому пути полка. Цена книги — семь фр. франков, 50 сантимов. Заказы просят направлять в книжный магазин «Кама», 27 rue de Villiers, Neuilly s/S, France.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Правление Русского общества «Наука и Искусство» в Брисбене (Австралия) постановило принять проект члена правления Т. А. Онофрейчука о постройке русского театра в Брисбене. Новый театр будет рассчитан на 500 посетителей. Председатель общества Ф. Н. Гопуренко пожертвовал для постройки участок земли в 4 акра.

● Фильм о суде над Синявским и Даниелем. Розамонд Леман, председательница Комитета по защите заключенных писателей при международном Пен-Клубе, выступила на страницах лондонского «Таймса» (номер от 8 июля с. г.) с протестом против уступчивости Би-Би-Си (английской станции телевидения) по отношению к просьбе советского телевидения, специально приславшего в Лондон своего представителя, чтобы протестовать против демонстрации телевизионного документального фильма о суде над Синявским и Даниелем.

● Рудольф Нуреев дал свое согласие на участие в осеннем балетном сезоне Венской государственной оперы. Будут поставлены «Лебединое озеро», «Аполло», «Спящая Красавица», «Медуза» и «Жизель».

● Балет Жана Кокто — «Молодой человек и смерть» с Рудольфом Нуреевым в главной роли снят для французского телевидения.

● Русская балерина и педагог Н. Г. Мирская руководит русской балетной школой в Барселоне (Испания).

● Сравнительно большая русская колония курортного городка Си-Клифф (США) имеет возможность вот уже второй год посещать периодически организуемые концерты классической музыки студии Татьяны и Димитрия Конради и спектакли русского драматического театра Всеволода Хомичко.

● Под руководством профессора Д. Н. Конради, 14 мая в Нью-Йорке, в доме Свободной России успешно прошел концерт классической музыки, организованный Русско-Американским Союзом Помощи. Среди исполнителей необходимо отметить пианиста Павла Чухнова, певца Варвару Мелони и Ирину Ковалевскую, певцов Артура Саймона и Ивана Ассурова.

● При храме имени св. Сергия Радонежского в Сан-Пауло (Бразилия) священником оштом Иоанном Сахаровским организован прекрасный хор, который не только поет в церкви, но и дает концерты светской музыки.

● В Париже будет установлен памятник А. С. Пушкину работы скульптора Осипа Цадкина.

● Сергей Лифарь приобрел для своей парижской коллекции искусства картину «Вид Крестовой горы», написанной поэтом М. Ю. Лермонтовым во время его ссылки на Кавказ.

● Русская художница Т. А. Говорова показала, в рамках выставки «Православная иконография и церковная архитектура», в на-

чале этого года в Сан-Пауло (Бразилия) более 200 талантливо исполненных эскизов русской церковной архитектуры.

● Русская скульпторша Клавдия Сергеевна Пивоварова получила на годовой Королевской выставке в Сиднее (Австралия) первый приз за керамическую скульптуру.

● В Лос Анжелесе (США) состоялась выставка икон работы известного русского иконописца П. М. Софронова.

● 22 июня с. г. в Париже, в здании Лувра открылась выставка иллюстраций Марка Шагала к Библии.

● Обитель преподобного Иова Почаевского в Монреале (Канада) продолжает и в зарубежье, завещанную преподобным Иовом, церковно-просветительную работу. В типографии обители печатаются наравне с научными трудами и книгами также и ряд русских журналов, как-то: «Русское Дело», «Зарубежная Русь», «Переключка», «Современник», «Наши вести». Ряд типографских машин нуждается в капитальном ремонте, другие постепенно выбывают из строя и должны быть заменены новыми, более усовершенствованными. Настоятель обители архиепископ Виталий обращается к русскому читателю с просьбой послать почтой обновить типографский инвентарь. Пожертвования просят направлять по адресу: 6011, Champagne Ave. Montreal 15, Que. Canada.

● Центральным богословским книгохранилищем в зарубежье будет библиотека святой Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле (США). В данное время строится новое здание библиотеки. Декан семинарии профессор Н. Н. Александров пожертвовал необходимые на эту постройку средства, активно участвовал в составлении проекта и является, несмотря на свой преклонный возраст, главной движущей силой этого начинания. Двухэтажное здание уже почти готово. В настоящее время ведутся работы по внутреннему оборудованию.

● Русский профессор Николай Васильевич Федоров, проживающий в США, только что закончил свое кругосветное путешествие. Николай Васильевич является общепризнанным авторитетом по гидравлике и свое путешествие он совершил по приглашению ряда университетов, высших технических учебных заведений, институтов и объединений инженеров и техников. Николай Васильевич выступал с докладами по своей специальности в Дельфтском университете в Голландии, в Анкаре в Турции, в Дели, Бомбее, Калькуте и Карампуре в Индии, в Бангкоке в Таиланде, в Перте, Сиднее и Мельбурне в Австралии и в Окленде в Новой Зеландии. Необходимо отметить, что Николай Васильевич Федоров является также выборным Атаманом Всевеликого Войска Донского и во время своего путешествия посетил станицы донцов, кубанцев и терцев, разбросанные по всему миру.

● В Оттаве (Канада) состоялся трехдневный съезд Союза канадских славистов. Помимо работ отдельных групп по литературе, методике преподавания, политике, экономике и истории были сделаны следующие доклады: профессор Глеб Жекулин — «Образ жизни крестьян в изображении советской литературы», профессор Н. В. Первущин — «Борис Зайцев и его место в русской литературе», профессор В. Н. Гребенчиков — «Квантитативная оценка стиля писателя», профессор К. В. Понамарев — «Поэтическая форма произведений С. Есенина» и профессор С. Пайпс — «Русская революция в исторической перспективе».

● Авиационным заводом знаменитого русского авиоконструктора и летчика Игоря Си-

корского выпущен новый вертолет СН-53-А, предназначенный усилить американскую авиацию в Вьетнаме. Этот крайне подвижной и сравнительно быстрый самолет, могущий вместить 38 солдат с полным боевым снаряжением, приспособлен также к спасению так называемых капсул астронавтов, после их спуска на море. Максимальная грузоподъемность вертолета более 9000 кг. Один из этих вертолетов под командой Сергея Сикорского, сына основателя фирмы и главного конструктора, перелетел океан в июне с. г. В Европе вертолет демонстрировали представителям прессы.

● Русский ученый — почетный вице-президент Радио-Корпорации Америки — Владимир Зворыкин был вызван президентом Джонсоном вместе с 10 другими американскими учеными в Белый Дом. Владимир Зворыкин был награжден медалью за выдающиеся технические заслуги в связи с его работой по развитию радио и телевидения, а также инженерной техники в области медицины.

● В одном только Нью-Йорке в данное время проживает более 100.000 русских эмигрантов и их детей. Учитывая это солидное число еще большее значение приобретает деятельность Американско-Русского Союза Помощи. 20 мая в доме Свободной России в Нью-Йорке состоялось годовое собрание Союза, на котором были сделаны отчетные доклады о работе следующих разделов: старческие дома, Патриотическая Организация Русских Разведчиков, Культурно-Просветительный Комитет, Бюро Труда, Квартирное Бюро, Дом Свободной России. В последнем помещаются: канцелярия Союза, канцелярия Представительства Русских Эмигрантов в США и Российского Зарубежного Представительства, Общество Офицеров Российского Императорского Флота, Гарнизон 297 Союза Армии, Флота и Авиации США, Союз чинов Русского Корпуса, Общество Русско-Американских Инженеров, Музей Русской Императорской Кавалерии и других родов оружия, ПОРР и ОРЮР (две юношеские организации) и Объединение Русских Пенсионеров.

● 24 июня в Нью-Йорке состоялось очередное годовое собрание Донской именованной Атамана генерала П. Н. Краснога центральной станицы. Собрание открыл станичный атаман А. И. Тульцев. После докладов о деятельности станичного правления за истекший год, было выбрано новое правление в следующем составе: станичный атаман — есаул А. И. Тульцев, помощник станичного атамана — М. А. Серинов, казначей — Н. Д. Гончаров, станичный писарь (секретарь) — Г. Е. Рабичев, Ревизионная комиссия — Ю. Л. Пригодина и Б. Ч. Уланов. Проживающие в Париже — Н. М. Мельникову и Н. Н. Турерову, в признании их заслуг перед казачеством, постановлено присудить звание «почетных казаков».

● В Буэнос-Айресе, в «Центре Белых Русских», состоялся съезд русских антикоммунистических организаций Аргентины. На съезде присутствовали как гости и представители аргентинских правительственных учреждений, армии, антикоммунистических организаций и прессы. Президент Аргентинской республики генерал Хуан Карлос Онганя прислал приветственную телеграмму.

● В этом году во многих центрах русского зарубежья отмечается 100-летие со дня основания «Российского Красного Креста».

● Русские воинские организации в Сан-Франциско (США) отметили 50-летие Февральской революции многолюдным собранием в концертном зале здания «Почетного Легиона». На сцене стоял бронзовый бюст Императора Николая Второго. Почетный караул несли казаки в форме своих войск. Зал был

декорирован эмблемами и флагами всех частей добровольческой армии. Были прочитаны следующие доклады: полковником А. Г. Ефимовым — «Как произошла революция», поручиком В. В. Гранитовым — «От Февраля до наших дней», лейтенантом Г. Р. Ватцом — «Значение Русского Трона». В концертном отделении были исполнены: Т. А. Гранитовой, при аккомпанировании хора Кадетского Объединения — «Замело тебя снегом Россия», пианисткой И. И. Стахеевой-Бродзик — траурный марш Шопена, певцом В. Утковым — «Спите, орлы боевые» и «Московские Кремлевские, литые, следкозвонные», певицей Е. И. Эверт — ария Вани из оперы «Жизнь а Царя», певцом В. Примо — ария Сусанина из той же оперы, В. Мартиненко — песня «Молись, Кунак», хором Кадетского Объединения — добровольческие песни «Вспоили вы нас и вскормили» и «Пусть свищут пули». С чтением стихов выступили: Б. Н. Борзова — «К. Родине» Вангу — «Октябрь 1917 года».

● На православном кладбище в Реддонс в 40 милях от Монреала (Канада) 25 июня с. г. архиепископом Сильвестром освятил памятник Русскому Воину. У памятника, сооруженного на пожертвования русских ветеранов 1-й и 2-й мировых войн, были возложены многочисленные венки, украшенные лентами русских национальных цветов.

● Почетным председателем «Общества помощи русским военным инвалидам» в США избран известный авиоконструктор и летчик-испытатель Б. В. Сергиевский.

● В Русско-Американском Обществе в Детройте (США) избрано новое правление. Председателем избран известный в Детройте русский врач М. А. Гришков.

● В Асунсьоне (Парагвай) вот уже более тридцати лет проживает небольшая группа русских, образовав свою колонию. В маленькой русской православной церкви этого города на стенах мраморные доски с именами русских воинов, павших в войне с Боливией.

● 25 июня с. г. в Пушкинском парке на ферме РОБА (США) у памятника русским воинам, погибшим в Первую мировую войну в австрийских лагерях военнопленных, была отслужена панихида.

● В городе Мюнхене (ФРГ), на весеннем собрании Российской секции Военного союза было отмечено 50-летие Февральской революции.

● Русская колония в Италии возмущена информацией известного портного Анжело Литрико, появившейся в прессе. По словам портного, он до самого последнего времени снабжал Хрущева костюмами, которые оплачивались древними иконами и икрой. Всего от Хрущева он получил 60 икон (!). За последний костюм портной получил одну икону и два килограмма икры почтовым пакетом в феврале с. г. Итальянская пресса помещает фотографию портного на фоне стены сплошь увешанной русскими иконами.

● У сооруженного в Мельбурне (Австралия) казаками памятника в память казачьих генералов, атаманов, казаков и воинов всех родов войск, павших в борьбе с коммунистами, ежегодно случается панихида. И в этом году 17-го мая собрались казаки и казачки возле памятника. Атаман Корниловской станицы, Алексей Гаврилович Чернявский и подесаул Алексей Петрович Бондаренко, выступили с краткими, но сильными и прочувствованными речами.

● 100-летний юбилей основания Семиреченского казачьего войска был отмечен в казачьих объединениях свободного мира. Исполняющий должность Начальника войскового штаба Семиреченского казачьего войска Василий Питалев поздравил казаков и казачек с столетним юбилеем их войска.

● 45 лет со дня основания Харбинского политехнического института отметили 170 бывших студентов, сотрудников и преподавателей. Встреча состоялась 14 апреля в помещении Русского Клуба в Стратфильде (Австралия).

● Четырнадцать лет тому назад в Нью-Йорке была основана Синодальная основная школа. В первом году она насчитывала 14 учеников. С тех пор школа стала всеми признанным учебным заведением с собственным великолепным помещением, лабораторией, библиотекой и опытным педагогическим персоналом. В школе дети, учащиеся в американских школах, дополнительно получают, необходимые каждому русскому, знания по Закону Божию, русскому языку, истории и географии России и русской литературе. Кроме того, при школе имеются группы неговорящих по-русски, с которыми ведутся специальные занятия. Директор — архимандрит Антоний — самоотверженный работник этой школы, обрисовал в своей речи 17 июня, на очередном выпускном акте, полный трудностей путь школы за 14 лет ее существования. Благодарственный молебен служил сам митрополит Филарет.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

● На днях исполнилось 40 лет со дня основания русской гимназии при св. Скорбященском кафедральном соборе в Сан-Франциско (США). В 1950 году воскресная школа была преобразована в нормальную гимназию. С прошлого года гимназия помещается в новом здании. В гимназии 185 учеников.

● Ежегодно в июне месяце в Сиднее (Австралия) Национальная Организация Русских Скаутов устраивает так называемый «Белый Вал» на котором русские девушки, окончившие среднюю школу, представляются русской общественности. Вот уже восьмой год как этот бал открывается торжественным выходом девушек в белых балльных платьях и их молодых партнеров в темных костюмах. Каждую пару называют по имени и приветствуют дружными аплодисментами.

● С 13 по 15 мая с. г. в усадьбе Гьевр, в 20 километрах от Парижа, состоялся весенний съезд Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). На съезде, собравшем 299 участников, были прочитаны следующие доклады: профессор О. Клеман — «Православная экклезиология», протоиерей Александр Шмеман — «Авторитет и свобода в церкви», М. Н. Энден — «Письма двух священников Московской епархии о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана к правящим епископам Русской Православной Церкви и гражданским властям», Н. А. Струве — «Церковь и Мир». Кроме того с докладами на тему: «Церковь, как ее представляют себе молодые миряне» выступили Сергей Морозов, Михаил Соллогуб и Николай Вер.

● «Мы чувствуем свою ответственность за нашу Церковь, потому что кроме нас никому будет о ней заботиться, когда не будет старшего поколения». Такова была основная мысль русской молодежи, собравшейся в Гре-

нобле (Франция) прослушать доклад Николая Вера «О традиции и соборности». Интересно, что в Гренобле и его окрестностях живет много русских. Это объясняется сравнительно хорошими возможностями работы в местных промышленных предприятиях. Много русской молодежи учится в университете и высших технических школах Гренобля. В русской церкви поет хор молодежи, состоящий из 25 человек.

● 30 апреля 1969 года Олегом Ивановичем Пантюховым был основан в Павловске под Петербургом первый русский скаутский отряд, получивший впоследствии название Царско-сельской Дружины. За истекшие десятилетия из великой семьи русских скаутов вышло много верных слуг родины. Активная работа скаутов продолжается и в эмиграции, где эта работа получила и еще одну новую задачу — сохранение русскости нашей молодежи. Олегу Ивановичу Пантюхову в этом году исполнилось 85 лет, он в отличном здоровье проживает в Ницце (Франция), носит почетное звание «Старшего русского скаута» и фактически еще сегодня является старшим и абсолютно авторитетным, всеми уважаемым и любимым руководителем многих тысяч русских скаутов, разбросанных, волею судьбы по всему свету.

● В австралийской сборной команде по волейболу играют трое русских: Н. Евдокимов и братья П. и Г. Любимовы. Все трое члены русского спортивного клуба «Восток».

● Спортивный клуб Русской Молодежи в Мельбурне (Австралия) выставил в этом году две команды для участия в розыгрыше на первенство штата Виктория по волейболу.

● В годовом отчете «Общества помощи русским детям за рубежом» в Нью-Йорке было сообщено, что за 1966 год Общество опекало 231 «крестника». Крестниками называются дети, о которых Общество постоянно заботится, поддерживает их материально, следит за воспитанием и образованием и в случае особой нужды заботится об утверждении подходящего опекуна. Все это связано с расходами и Общество обращается с просьбой материально поддержать его. Пожертвования просят направлять по адресу: Russian Children's Welfare Society, Inc. 59. E. 2-nd Street, New-York 3 N. Y. Phone: SP. 7-9110.

● В связи с тяжелой болезнью русского музыканта Подлужного и его жены, семья состоящая, кроме заболевших супругов, из двух стариков и двух детей, осталась без средств. Редакция Зарубежья обращается к отзывчивым русским людям с просьбой оказать посильную помощь. Денежные переводы просят направлять по адресу: Sen. Vadim Podlounznyi, Avenida Pedro Lessa 256. (Mасико) Santos, Brazil.

● С помощью Толстовского Фонда организуется новое поселение старообрядцев — выходцев из Уссурийского Края — на Аляске. Представительницы Фонда Татьяна Алексеевна Шауфус и Вера Александровна Самсонова уже несколько раз посещали с представителями старообрядцев Мартушевым и Косачевым район нового поселения и вели переговоры с местными властями и жителями. В данное время уже куплены 640 акров хорошей пахотной земли и заключен контракт на 50-летнюю аренду 1400 акров. 50 семей старообрядцев выразили желание переселиться на Аляску. Занятием новых поселенцев кроме земледелия и скотоводства, будет также охота, рыболовство и разведение пушных зверей.

● 20 лет тому назад в Майами (США) на участке земли, пожертвованной супругами Михаилом и Елизаветой Вавиловыми, на средства, собранные среди русских людей,

построен храм св. Владимира. В этом году иконописцы св.-Троицкого монастыря работают над внутренней росписью храма. Желющих помочь этому начинанию просят направлять свои пожертвования по адресу: St. Vladimir Russian Orthodox Church, 101 North West 46th Avenue, Miami, Florida, 33144, U.S.A.

● Сбор средств на постройку нового православного собора в Ситке (Аляска, США) продолжается. Как известно, старый собор, построенный еще в то время, когда Аляска принадлежала России, сгорел в прошлом году. От страховой компании получена страховка в размере 122.000 долларов. Пожертвований собрано на сумму более 111.500 долларов.

● 5 июня в обители «Новая Коренная Пустынь» в США окончился продолжавшийся три недели Архиерейский Собор Зарубежной Русской Православной Церкви. Присутствовало 16 архиереев из общего числа 20. Были приняты постановления о помощи верующим в России посылкой апологетической литературы. Заместителем Первоиерарха Зарубежной Русской Православной Церкви, митрополита Филарета, был пожизненно избран архиепископ Никон, секретарем — священник Николай Падерин, который будет хиротонисан в епископы.

● 14 мая архиепископ Антоний Женевский выступил с большим докладом о положении Церкви в Советском Союзе.

● В казачьем поселке «Новая Кубань» (США) состоялось 15 июня торжественное освящение новопостроенного храма Покрова Пресвятой Богородицы. Храм построен в Новгородско-Псковском стиле со звонницей. Прибывшему на торжество митрополиту Филарету прихожане поднесли хлеб-соль.

● В Санта-Крус (США) стараниями о. Георгия Бенигсена построена часовня Воскресения Христова.

● «Попечительство для помощи русским церквям за границей» собрало в США 8.500 долларов для русских обителей в Иерусалиме, пострадавших во время военных действий.

● Надежды нет уже давно
Увидеть снова край родимый;
А умереть где — все равно
Земля везде гостеприимна.

Так заканчивается стихотворение, написанное незадолго до смерти всеми почитаемым русским общественным деятелем Всеволодом Васильевичем Диким, скончавшимся на 76 году жизни в Афинах (Греция).

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30/90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Pa-kstr. 7, Rgb.